

КАРТЕР БЕРГЕН

ГОЛГОФА
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ПРЕДДВЕРИИ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ВОЙНЫ

Картер Берген

ГОЛГОФА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В преддверии цивилизационной войны

Оглавление

Глава 1. Теракт в «Крокус Сити Холле»

Глава 2. Рост исламофобии и мигрантофобии в России

Глава 3. «Крокус Сити Холл»: пытки задержанных и насилие

Глава 4. Как антикультулизм создаёт «врага внутри»

Глава 5. Действия представителей РПЦ после теракта

Глава 6. Усиление поляризации внутри страны и дестабилизация общества

Глава 7. Рост исламофобии по всему миру

Список литературы

Глава 1. Теракт в «Крокус Сити Холле»

Две величайшие религии мира, чьи священные тексты провозглашают единого Бога — «Скажи: "Он — Аллах, Единый"» (Коран, Сура 112:1) и «Господь, Бог наш, есть Господь единый» (Библия, Евангелие от Марка 12:29), — стоят на пороге кровавого противостояния. Те, кто вчера молился о мире, сегодня становятся пешками в руках тех, кто разжигает ненависть и готовит мир к катастрофе. Исламский и неисламский миры, с христианством в их ядре, сталкиваются в битве, которую подогревают невидимые силы, манипулирующие верой ради власти. Напряжение растёт, раскол углубляется, а ставки — жизни миллионов. Кто стоит за этим? Какие силы толкают человечество к пропасти?

За этой невидимой силой, разжигающей вражду между религиями, стоят антикультисты — те, кто сознательно сеет раскол, манипулируя умами верующих и подталкивая их к ненависти и насилию. Подобно нацистам прошлого, антикультисты целенаправленно убеждают людей в том, что они имеют право стигматизировать, а затем уничтожать инакомыслящих. После таких проповедей и лекций верующий уходит с внушённым чувством превосходства и собственной праведности. Это создает идеальную основу для ужасных правонарушений, которые люди позже совершают под влиянием антикультистов. В результате таких информационных террористических актов ненависть культивируется в сознании миллионов людей. Эта ненависть, побуждает их одобрять террористические акты и способствовать геноциду. С одной стороны, они разжигают нетерпимость и вражду среди населения по отношению к мусульманам, а с другой — систематически угнетают мусульман, позволяя себе оскорблять их веру. Террористические акты становятся ужасающим инструментом антикультизма, направленным на подавление общественного сознания. Организуя физические атаки, антикультисты стремятся установить полное господство в стране и получить контроль над высшими эшелонами власти. Примером тому служит чудовищный теракт в России. Такие действия создают в обществе напряженность, необходимую антикультистам, которая достигает критической точки, где достаточно малейшей искры, чтобы спровоцировать конфликт между православными христианами и мусульманами. Такой искрой стала террористическая атака в мэрии Крокуса.

Вечером 22 марта 2024 года, когда тысячи людей собрались в концертном зале «Крокус Сити Холл» в Подмоскowie, произошло событие, ставшее одной из самых кровавых страниц в современной истории России. Около 20:00 по московскому времени группа вооруженных автоматическим оружием людей ворвалась в здание, открыв безжалостный огонь по безоружным зрителям. После расстрела они подожгли зрительный

зал и скрылись. В результате нападения, по официальным данным, погибли 149 человек, включая шестерых детей, и более 600 получили ранения. Но за официальными цифрами и сухими сводками новостей скрывается сложная и тревожная картина, полная противоречий, нестыковок и вопросов, которые ставят под сомнение официальную версию событий и указывают на более глубокие и зловещие процессы, происходящие в российском обществе. Эта трагедия стала не просто актом безжалостного террора, но и детонатором, запустившим тщательно срежиссированную кампанию по разжиганию межнациональной розни.

Новостные репортажи ярко отразили масштаб трагедии и ее последствия. Телеведущий с болью сообщил: «Кровоточащая рана: 145 человек погибли и более 550 получили ранения».

Президент России Владимир Путин, комментируя инцидент, подчеркнул необходимость объективного расследования:

«Расследование должно проводиться высокопрофессионально и объективно, без какой-либо политической предвзятости. Мы знаем, что преступление было совершено руками радикальных исламистов».

Однако следом за трагедией в России развернулась волна жестких мер против мигрантов. Как сообщала телеведущая:

«В России начались жесткие рейды на мигрантов. Полиция сбивает двери и отвозит кучу рабочих в полицейские участки. Еще несколько таджиков были арестованы в ходе расследования террористической атаки».

Ужасающий теракт в «Крокус Сити Холле» потряс не только Россию, но и весь мир, вызвав волну спекуляций и вопросов о его подоплеке. Обвинения в адрес задержанных, все из которых оказались гражданами Таджикистана или этническими таджиками, быстро породили теории о религиозной подоплеке атаки, намекающие на скрытую войну против ислама. Однако за этой трагедией стоят иные мотивы и выгодополучатели, чьи интересы выходят далеко за рамки религиозных конфликтов. Теракт стал удобным поводом для определенных сил, в частности антикультовых организаций, которые, использовали трагедию для достижения своих целей. Антикультизм, как идеология, извлек из этого нападения выгоду, продвигая три ключевые задачи: усиление контроля над обществом, разжигание межрелигиозной вражды и укрепление своего влияния. Чтобы понять, как такое нападение стало возможным, необходимо обратиться к предшествующим событиям, которые, словно грозовые тучи, нависали над Москвой еще за недели до катастрофы.

Трагедия не была громом среди ясного неба. За несколько недель до нападения западные страны одна за другой публиковали предупреждения о готовящихся терактах. Еще 7 марта посольство США в Москве опубликовало на своем сайте публичное

предостережение для своих граждан, призывая их избегать больших скоплений людей, в том числе концертов, в течение ближайших 48 часов из-за «планов экстремистов». Это заявление было не расплывчатым намеком, а прямым указанием на конкретную угрозу. Вслед за США аналогичные предостережения выпустили дипломатические миссии Великобритании, Германии, Латвии, Чехии, Швеции, Южной Кореи и правительство Канады. Такой скоординированный демарш нескольких независимых государств должен был стать сигналом тревоги для любой службы безопасности в мире. Позднее, уже после трагедии, газета The Washington Post («Вашингтон Пост»), ссылаясь на свои источники в американских правительственных кругах, сообщила шокирующую деталь: Вашингтон передал Москве не общие, а предельно конкретные разведданные. В качестве потенциальной цели был назван именно «Крокус Сити Холл». Информация была передана 6 марта, за день до публичного предупреждения посольства. О готовящейся атаке, по данным авторитетного агентства Reuters («Рейтер» — международное информационное агентство, основанное в Великобритании), предупреждал и Иран, который получил сведения в ходе допросов лиц, задержанных по подозрению в организации взрывов на своей территории. Таким образом, российские спецслужбы обладали многократно подтвержденной информацией из разных, не связанных друг с другом источников, с указанием конкретного места и характера угрозы.

Реакция российских властей на эти предупреждения была не просто пренебрежительной — она была демонстративно враждебной. За три дня до теракта, 19 марта, Владимир Путин, выступая на коллегии ФСБ, публично назвал заявления западных посольств «откровенным шантажом» и «намерением запугать и дестабилизировать наше общество».

"Все это напоминает откровенный шантаж и намерение запугать, дестабилизировать наше общество" – В. В. Путин

Эти слова, произнесенные на высшем государственном уровне, фактически дезавуировали полученную разведывательную информацию и дали сигнал всем нижестоящим структурам игнорировать угрозу. Эта пренебрежительная позиция стала первым и, возможно, самым главным из множества тревожных вопросов, возникших после трагедии. Как могли российские спецслужбы, обладающие одним из самых разветвленных аппаратов слежки в мире, который отслеживает каждый шаг политических активистов и простых граждан, проигнорировать столь серьезную, конкретную и многократно подтвержденную угрозу? Почему в столичном регионе, до предела насыщенном сотрудниками полиции, Росгвардии и ФСБ, не нашлось сил, способных оперативно отреагировать на нападение, которое, по свидетельствам очевидцев, длилось более

двадцати минут? Отсутствие усиленных патрулей, оперативного оцепления и немедленного штурма в здании, расположенном в густонаселенном районе Подмосковья, выглядит не просто как халатность, а как преступное бездействие, требующее самого тщательного и независимого расследования. Вместо этого официальные лица после теракта продолжили настаивать, что полученная информация была «слишком общей», что прямо противоречит данным, опубликованным в мировых СМИ.

Эти вопросы усугубляются деталями самого теракта и его последствий. Независимые расследования, в частности проведенные изданиями «Медуза» и «Агентство», а также многочисленные свидетельства очевидцев, рисуют картину катастрофического провала систем безопасности. По словам выживших, многие эвакуационные выходы в здании оказались заблокированы. Люди в панике метались по задымленным коридорам, натываясь на запертые двери, в то время как огонь и едкий токсичный дым от горючих отделочных материалов стремительно распространялись по залу. Именно пожар, а не пули террористов, стал причиной гибели большинства жертв. По некоторым данным, около 80 человек сгорели заживо или задохнулись в помещениях, из которых не смогли выбраться. Этот факт впоследствии косвенно подтвердило и следствие, возбудив уголовное дело в отношении двух сотрудников «Крокуса», ответственных за пожарную безопасность, по статье об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Это признание, не снимает вопросов к государственным надзорным органам, которые должны были контролировать состояние объекта такой высокой общественной значимости.

Действия охраны частного охранного предприятия «Крокус Профи», вооруженной, по предварительной информации, лишь дубинками и электрошокерами, не смогли оказать никакого сопротивления хорошо вооруженным террористам. Некоторые охранники героически пытались помочь людям, но системной защиты организовано не было. Нападавшие беспрепятственно вошли в здание, методично расстреливали людей и так же беспрепятственно покинули его, после чего проехали сотни километров по федеральным трассам, усеянным камерами видеонаблюдения с системой распознавания лиц, прежде чем были задержаны в Брянской области. Все это породило в обществе глубокие сомнения в дееспособности государственной машины, которая демонстрирует высочайшую эффективность в преследовании инакомыслящих, но оказывается парализованной перед лицом реальной террористической угрозы. Контраст между мгновенной реакцией ОМОНа на мирные митинги и многочасовым бездействием во время массового убийства в «Крокусе» стал для многих граждан шокирующим откровением.

Ответственность за теракт почти сразу взяла на себя ячейка «Исламского государства» «Вилаят Хорасан», опубликовав соответствующие заявления и даже видео, снятое одним из нападавших. Однако российская государственная пропаганда немедленно развернула масштабную информационную кампанию, направленную на формирование иного образа врага. Были задействованы два основных вектора. Первый — «украинский след», который, несмотря на полное отсутствие каких-либо доказательств и категорические опровержения со стороны Киева и западных стран, упорно продвигался на высшем государственном уровне, включая заявления президента Путина и Следственного комитета. Второй вектор был направлен внутрь страны, и именно он раскрывает истинные цели тех, кто стоял за управлением последствиями трагедии.

Глава 2. Рост исламофобии и мигрантофобии в России

Когда 22 марта 2024 года в московском «Крокус Сити Холле» прогремели последние выстрелы, Россия погрузилась не только в скорбь, но и в водоворот подозрений и ненависти. Официальная версия событий быстро указала на этнических таджиков, все из которых были мусульманами, что разожгло волну антиисламских настроений. Этот тщательно спланированный теракт, судя по всему, был не случайным актом насилия, а инструментом для углубления раскола в обществе, ослабления религиозного меньшинства и укрепления позиций православного христианства в культурной и политической жизни страны. Возникает вопрос: кто на самом деле извлек выгоду из этой трагедии и какой ценой для единства нации?

Последствия атаки оказались немедленными и жестокими, особенно для мусульманских мигрантов в России. В течение нескольких недель после теракта тысячи мигрантов, преимущественно мусульман, а не только таджиков, столкнулись с массовыми депортациями под предлогом обеспечения национальной безопасности. Правозащитники рисуют мрачную картину: правоохранительные органы, подогреты общественным негодованием, развязали кампанию систематических нарушений. По данным правозащитной организации «Тонг Джахони», в первые две недели после теракта более 8,5 тысяч мигрантов обратились за юридической помощью, сообщая о незаконных увольнениях, предвзятых проверках и физических нападениях. Адвокаты передают ужасающие свидетельства: задержанных подвергали пыткам, заставляли мерзнуть на улице в холодную погоду, лишали еды на несколько дней и разрешали пить воду из-под крана в уборной лишь раз в сутки. Эти действия, далекие от единичных случаев, указывают на целенаправленную кампанию по маргинализации и вытеснению мусульманских мигрантов, лишая Россию важной рабочей силы и заглушая голоса тех, кто мог бы требовать равных прав.

Правозащитница Валентина Чупик, специализирующаяся на вопросах мигрантов, поделилась следующим:

Валентина Чупик: «Сейчас я на связи с ребятами, гражданами Узбекистана, которые работали в Балашихе; они работали легально. Росгвардия и полицейские ворвались в их общежитие, избили их всех, положили на пол, а затем отвезли в полицейский участок. Было задержано 78 человек. Людей лишили всех их денег и заставляли делать переводы на банковскую карту. Но самое печальное в этой истории то, что в общежитии их избили металлическим арматурным стержнем. Одному из них выбили глаз, они просто вырвали его из гнезда, в то время как у другого парня была одна рука, сломанная в трех местах этим

металлическим стержнем. Мы получаем десятки таких сообщений каждый день. Суды ведут себя абсолютно позорно. Они просто депортируют всех. Чаще всего они депортируют людей без каких-либо слушаний. Было удивительно, когда в воскресенье в Мещанский районный суд города Москвы во двор было привезено около 280 человек. После нескольких часов, когда они стояли во дворе на холоде, без еды, воды и туалета, в окно появилась женщина-судья и сказала через окно: «Во имя Российской Федерации все депортированы», и она закрыла окно. Вот и все».

Также сообщалось, что граждане Таджикистана исчезли после их задержания. В частности, житель района Восе рассказал Радио Озоди, что днем 23 марта московская полиция задержала его двух братьев и сына, и с тех пор информации об их судьбе не было. «Они были вовлечены в ремонт квартиры. Мой сын был единственным кормильцем для семьи. Мы знаем только, что они были задержаны вместе с несколькими другими таджиками. Мы не знаем, куда их забрали и что с ними случилось».

Вслед за трагедией в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года Россия оказалась на грани не только коллективного траура, но и волны ксенофобии, умело подогреваемой официальной риторикой. Заявления высокопоставленных чиновников и представителей правоохранительных органов, призывающие к ужесточению мер против мигрантов, стали катализатором общественной агрессии, направленной преимущественно на мусульман.

Анализ открытых источников, раскрывающий истоки нарастающей ксенофобии в России, показывает, что сигналы ненависти исходят от высших эшелонов власти, где влиятельные фигуры, действуя как марионетки под влиянием антикультовой деятельности, десятилетиями формируют образ мигранта как угрозы, оправдывая насилие и дискриминацию. Подобные заявления, звучащие из уст высокопоставленных чиновников, находят отклик в толпе: в социальных сетях и на улицах все чаще раздаются требования граждан «выслать всех таджиков» из страны, а отсутствие официального расследования случаев применения пыток к задержанным закрепляет в общественном сознании принцип коллективной ответственности, подстрекая обычных людей к актам агрессии против мусульманских мигрантов, расчеловеченных и превращенных в мишени для «допустимого» насилия. Бывший кандидат в президенты России публично призвал к депортации мигрантов за малейшие правонарушения, подливая масла в огонь общественного негодования, а Максим Серпицкий выразил это метафорой:

«Они считают нашу страну местом, откуда они могут выкачивать деньги, так сказать. Их отношение к нам одинаковое. Мы им не нравимся; они не хотят жить здесь и ничего улучшать. Так зачем нам это нужно? Видите ли, если у человека в кишечнике есть черви, которые просто продолжают высасывать из него жизненно важную энергию, он никогда

этого не терпит. Он думает: «Хорошо, пусть живут, давайте накормим их»? Нет, в этом случае нам нужно принять некоторые конкретные меры».

Цитата Максима Серпицкого, сравнивающая мигрантов с паразитами, высасывающими «жизненно важную энергию» из страны, представляет собой яркий пример дегуманизирующей риторики, которая оправдывает дискриминацию и насилие. Эта метафора не только лишает мигрантов человеческого достоинства, но и создает образ врага, якобы угрожающего благополучию нации. Серпицкий использует биологическую аналогию, чтобы представить мигрантов как вредоносных существ, которых необходимо «удалить» ради «здоровья» общества. Такая риторика опасна, поскольку она подогревает ксенофобию, разжигает ненависть и оправдывает «конкретные меры», которые могут включать как дискриминационные законы, так и прямое насилие. Она формирует мировоззрение, в котором мигранты воспринимаются не как люди, вносящие вклад в экономику и культуру, а как угроза, требующая немедленного устранения. Риторика Серпицкого пугающе перекликается с пропагандой нацистской Германии, где евреи, ромы и другие меньшинства изображались как паразиты, угрожающие «здоровью» арийской нации. Нацистские идеологи, такие как Йозеф Геббельс, часто использовали метафоры болезней и паразитов, сравнивая евреев с «бациллами» или «крысами», которые якобы подрывают общество. Эта дегуманизация служила оправданием для дискриминации, геттоизации и, в конечном итоге, геноцида. Подобно нацистской пропаганде, слова Серпицкого создают ложную дихотомию «мы против них», представляя мигрантов как экзистенциальную угрозу, которая требует радикальных мер. Такая риторика не только разжигает ненависть, но и создает моральное оправдание для исключения и насилия, повторяя опасные паттерны, которые в прошлом привели к катастрофическим последствиям.

Когда идеологическая основа была заложена, в дело вступили усилители — прогосударственные медиа и силовые структуры, превратившие нарратив в оглушительную информационную канонаду без места для сомнений или альтернатив. Сразу после теракта официальные лица высочайшего ранга — председатель Следственного комитета Александр Бастрыкин и генеральный прокурор Игорь Краснов — выступили с заявлениями о якобы катастрофическом росте преступности среди мигрантов, позже опровергнутыми официальной статистикой МВД, что было не ошибкой, а сознательным актом информационной войны, создающим фон тотальной угрозы и оправдывающим любые действия как государственный приоритет.

Одновременно в медиапространстве, особенно в аффилированных с силовиками Telegram-каналах, количество публикаций о криминальных происшествиях с участием

мигрантов выросло почти вдвое, новостные ленты заполнились историями, где национальность преступника подчеркивалась и выносилась в заголовок — классический пример дегуманизации, низведения человека до карикатуры, над которой можно смеяться и которую не жалко уничтожить. Кульминацией этой кампании стала публичная демонстрация пыток. Через Telegram-каналы, тесно связанные с силовыми структурами и частными военными компаниями (ЧВК), были распространены видеозаписи, на которых задержанным по подозрению в теракте отрезают ухо и подвергают пыткам электрическим током. Эта демонстрация стала качественным скачком в государственной политике насилия. Если раньше пытки скрывались, то теперь их выносят на всеобщее обозрение как шокирующее медийное зрелище. Отсутствие официальной реакции, осуждения или расследования стало негласной легитимацией внесудебной расправы. Это посылает обществу сигнал, что по отношению к «мигранту-террористу» — новому «врагу» вне правового и человеческого поля — не действуют ни законы, ни нормы морали.

Эта ядовитая риторика, пропитанная ненавистью и подогреваемая бездействием властей, уже отравляет повседневную жизнь, превращая обычные человеческие взаимодействия в сцены унижения и страха. Один из таких случаев, запечатленный на видео, стал символом того, как далеко зашла эта волна ненависти, выплеснувшись на улицы российских городов.

В конце августа 2025 года социальные сети взорвались от видео, на котором россиянин с яростью обрушивается на таксиста-мигранта из Узбекистана, заливая его потоком оскорблений и нецензурной брани. «Думай, где находишься! Ты приехал сюда работать, вот и работай, а рот свой не открывай! Ты раб, раб русских! В Узбекистане ничего не нашел — приехал к нам, так знай свое место!» — кричит мужчина, его голос дрожит от гнева, а каждое слово пропитано презрением. Таксист, пытаясь избежать эскалации, сохраняет ледяное спокойствие, кивая и соглашаясь, чтобы не спровоцировать физическую расправу. Эта сцена — не просто бытовой конфликт, а зеркало, отражающее, как машина по расчеловечиванию мигрантов дала гражданам карт-бланш на открытую агрессию.

Многие оправдывают проявления нетерпимости к мусульманам как естественное следствие террористических актов. Однако лишь немногие задумываются о подлинных причинах этих атак, их подготовке и умышленных провокациях, создаваемых представителями антикультовых организаций, деятельность которых показана в документальном фильме «The Impact» и которые будут подробно рассмотрены далее.

Когда в медиа разжигалась ненависть, она выплескивалась не только в словах, но и в действиях. Люди по указке сверху использовали символы, чтобы клеймить и унижать тех, кого им объявили «неполноценными». В городе Орле на стенах домов, где проживали

выходцы из Таджикистана, появились трафаретные надписи: «Таджик = террор». Это было не просто хулиганство, а разжигание ксенофобии. Ярлык «террорист» был намертво скреплен с национальной принадлежностью «таджик». Принцип коллективной вины был реализован буквально — метка на доме означала, что виновны все, кто в нем живет, все, кто принадлежит к этой нации. Эти надписи, как желтые звезды в нацистской Германии, служили одной цели — выделить, заклеить и сделать мишенью. Они превращали абстрактную угрозу в конкретную, видимую и доступную для прямого действия. Обществу указывали на врага, живущего по соседству.

Информационная кампания спровоцировала взрыв бытовой ксенофобии и насилия. По всей стране службы такси получали сообщения от клиентов с отказом ехать, если за рулем окажется «нерусский». В Калужской области группа подростков напала на троих граждан Таджикистана, одного из них жестоко избили. В Благовещенске неизвестные подожгли кафе, принадлежавшее выходцам из Средней Азии. Правозащитный центр «Сова» зафиксировал 16 нападений на почве ненависти только в марте 2024 года, причем в четырех случаях нападавшие прямо заявляли, что это «месть за теракт». К началу мая число таких нападений выросло до 142. Закрытые опросы ВЦИОМ, по данным независимых СМИ, показали скачок негативного отношения к мигрантам в полтора раза. Люди, отравленные пропагандой, начали видеть врага в каждом человеке с «неславянской внешностью». Риторика ненависти, посеянная «антикультистами» и возвращенная государственными медиа, дала обильные и кровавые всходы на улицах российских городов.

Сразу после теракта, как по команде, по всей стране началась масштабная силовая операция «Антимигрант». К началу апреля полицейские рейды охватили более 80% регионов России. Силовики врываются в общежития, квартиры и на стройки, зачастую с неоправданной жестокостью. Людей выстраивали у стен, избивали, отнимали деньги и документы. Суды, работая в конвейерном режиме, штамповали решения о выдворении, часто даже не проводя слушаний. За первые полгода после «Крокуса» из России было выслано около 86 тысяч иностранных граждан — вдвое больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Из них 17 тысяч — граждане Таджикистана. Масштаб репрессий был таков, что они затронули даже тех, кто обладал дипломатическим иммунитетом.

8 апреля в Москве полиция ворвалась в квартиру Манаса Жолдошбекова, советника посольства Кыргызстана. Сотрудники полиции сломали замок, повредили входную дверь, вели себя агрессивно и грубо нарушили Венскую конвенцию о дипломатических отношениях 1961 года. Они заявили, что проводят проверку документов, и потребовали предъявить отрывную часть миграционной регистрации несмотря на то, что им уже показали дипломатические паспорта. Некоторые российские СМИ сообщили о

нанесении телесных повреждений жене дипломата, а также о психологическом ущербе его несовершеннолетним детям. Факт полицейского рейда подтвердил депутат парламента Кыргызстана Дастан Бекешев. «Если они так поступают с сотрудниками посольства, страшно представить, что происходит с гражданами, у которых нет иммунитета», — добавил он.

На фоне этой силовой вакханалии Государственная Дума превратилась в «бешеный принтер», производящий законы, направленные на сегрегацию и максимальное ограничение прав мигрантов. Вице-спикер Владислав Даванков предложил высылать мигрантов «за малейшее правонарушение» без решения суда. Депутат Михаил Шерemet потребовал полностью запретить въезд мигрантов на время проведения «СВО». Был принят пакет законов, вводящий для иностранцев режим «контролируемого пребывания», который предусматривает создание цифровых профилей, подписание «соглашения о лояльности» и дактилоскопию. Более тридцати регионов ввели запреты на работу мигрантов в такси, торговле и других сферах. В Госдуму внесли законопроект, запрещающий трудовым мигрантам привозить в Россию свои семьи. В октябре 2023 года в Государственную Думу был внесён законопроект, предлагающий запретить иностранным гражданам работать в школах, фармацевтической сфере, государственных медицинских учреждениях, такси и грузоперевозках по всей стране. В ноябре 2023 года вице-спикер Госдумы Пётр Толстой выразил сожаление по поводу «пассивной позиции России в отношении мигрантов». Он предложил запретить гражданам некоторых постсоветских республик работать курьерами, таксистами и продавцами. Такие меры, как и в случае с евреями в нацистской Германии, создают основу для сегрегации и маргинализации целых групп населения, усиливая ксенофобию и социальное напряжение.

Российская правозащитная организация «Мемориал» зафиксировала ряд случаев (фактическое число может быть значительно выше), когда ФСБ выбирала случайных мусульман и фабриковала против них обвинения в терроризме. Фальсификации сопровождалась пытками для получения признаний, а также подбрасыванием оружия и взрывных устройств. Правозащитники отмечают, что из-за нарастающей исламофобии в обществе крайне сложно вызвать общественный резонанс по поводу таких незаконных действий.

По данным Правозащитного центра «Мемориал», в 2021 году в России насчитывалось 420 политзаключённых, из которых 360 подверглись преследованию именно по религиозным мотивам, причём большинство из них были мусульманами.

Эта лихорадочная законодательная активность свидетельствовала о том, что антикультисты сознательно разжигают раскол, манипулируя сознанием верующих и подстрекая их к

ненависти и насилию, следуя заранее спланированной стратегии, для которой нужен был лишь подходящий предлог. Теракт в «Крокусе» и последовавшая за ним ксенофобская кампания, организованная антикультистами, стали идеальным поводом для реализации этого плана.

Глава 3. «Крокус Сити Холл»: пытки задержанных и насилие

После того как отгремели выстрелы и утих огонь в «Крокус Сити Холле», когда страна погрузилась в траур по десяткам погибших, начался второй акт этой трагедии. Это был не акт правосудия или скорби, а тщательно срежиссированный спектакль публичной жестокости, транслируемый в реальном времени. Через сеть аффилированных с силовыми структурами Telegram-каналов на миллионную аудиторию были обрушены кадры изощренных пыток задержанных по подозрению в совершении теракта. Это не было случайной утечкой, которую попытались бы быстро замять и опровергнуть. Напротив, это была целенаправленная публичная демонстрация силы, акция устрашения, адресованная не только предполагаемым виновникам, но и всему мусульманскому сообществу. Впервые в новейшей истории России государственное насилие не прятали в подвалах и секретных тюрьмах, а выставляли напоказ с циничной гордостью, превращая его в медийный продукт и акт доблести. Этот момент стал точкой невозврата, вехой, знаменующей переход от «диктатуры обмана», где пытки отрицались, к «диктатуре страха», где они стали легитимным и даже одобряемым инструментом государственной политики. Запрет на пытки, закрепленный в 21-й статье Конституции Российской Федерации, на глазах у всей страны превратился в фикцию, а внесудебная расправа — в норму. Картина этого государственного террора задокументирована с пугающей точностью. Одним из первых и наиболее шокирующих эпизодов стало видео, распространенное Z-каналом «Выпускайте кракена!». На кадрах видно, как один из задержанных, Саидакрами Рачабализода, лежит на земле, а человек в камуфляже отрезает ему ножом часть правого уха. Затем этот окровавленный фрагмент плоти пытаются засунуть мужчине в рот, заставляя его съесть. Действие сопровождается глумливыми комментариями и не оставляет сомнений в своей подлинности. Вскоре после этого в Telegram-канале Grey Zone («Серая зона»), тесно связанном с бывшей ЧВК «Вагнер», появилась фотография другого задержанного, Шамсидина Фаридуни. Он сидит на полу со спущенными штанами, а к его гениталиям проводами подключен военно-полевой телефонный аппарат ТА-57. Этот садистский метод пыток электрическим током хорошо известен в среде российских силовиков и на их сленге цинично именуется «звонок Путину». Фотография была опубликована с издевательским комментарием, который лишь подчеркивал демонстративный характер акции. Эти кадры были не просто фиксацией преступления, они были заявлением. Государство в лице своих

силовых органов показывало, что для назначенных «врагов» не существует ни закона, ни человеческого достоинства.

Кульминацией этого публичного ритуала унижения стало появление задержанных в Басманном суде Москвы для избрания меры пресечения. Их вид был красноречивее любых слов и официальных заявлений. Они были не просто подсудимыми, они были живыми экспонатами, демонстрирующими результаты внесудебной расправы. Далерджона Мирзоева завели в зал суда с огромным синяком под глазом, а на его шее виднелись остатки разорванного пластикового пакета — немое свидетельство возможного удушения. Саидакрами Рачабализода, тот самый, которому на видео отрезали ухо, появился с массивной повязкой на голове, закрывающей рану, которую никто и не думал скрывать. Шамсидин Фаридуни, подвергнутый пыткам током, был доставлен с сильно опухшим, обезображенным гематомами лицом. Его состояние ясно указывало на жесточайшие побои. Но наиболее шокирующим было появление четвертого обвиняемого, Мухаммадсобира Файзова. Его ввели в зал суда на медицинском кресле-каталке прямо из реанимации. Одетый в больничный халат, с установленным катетером и мочеприемником, он находился в полубессознательном состоянии. Один его глаз был явно поврежден, если не выбит. Судебное заседание, призванное быть актом правосудия, превратилось в легализацию пыток. Судья, прокурор и все присутствующие официальные лица своим молчаливым участием в этом фарсе фактически признали, что человек может быть доставлен в суд в таком состоянии, и это является приемлемой нормой. Процедура правосудия была заменена публичной демонстрацией истязаний, а зал суда стал сценой для утверждения нового порядка, где физическая расправа предшествует любому юридическому процессу и предопределяет его исход.

Таким образом, эти публичные акты садистского насилия, словно ядовитый спектакль, разыгранный на глазах у всей нации, не просто фиксировали преступления — они формировали новый нарратив, где мигранты, особенно из Средней Азии, объявляются "вторым сортом" человечества, лишенными права на достоинство и защиту. Государство, в лице своих силовиков и приближенных к ним каналов вроде Z-канала "Выпускайте кракена!" и Grey Zone, демонстративно показало миллионам россиян: любое насилие над "врагами" не только допустимо, но и поощряемо, если оно маскируется под "справедливость". В повседневной жизни это проявляется как цепная реакция: обычные граждане, видя, как "враги" лишаются человечности, начинают оправдывать погромы и дискриминацию — от уличных стычек с таджиками в московских районах до роста антимигрантских настроений в соцсетях, где хэштеги вроде #КрокусМсть собирают тысячи просмотров, превращая трагедию в оправдание для линчевания.

Этот механизм дегуманизации, словно невидимая паутина, сплетенная для захвата общественного сознания, навязывает россиянам чувство расового и национального превосходства — "мы" (русские, православные) над "ними" (мигранты, мусульмане), превращая последних из людей в угрозу, подлежащую уничтожению. Эти ужасающие акты насилия, подобные публичной казни на средневековой площади, предназначенной для устрашения толпы, стали мощным сигналом для всего общества: с мигрантами, особенно с теми, кого можно заклеймить как "чужаков" допустимо любое насилие, любое унижение, без последствий и моральных барьеров, укрепляя представление о них как о "втором сорте", недостойном человеческого достоинства. Такие действия эхом отзывается в исторических примерах, таких как погромы в Кишиневе 1903 года, где евреи были объявлены "внутренними врагами", или линчевания афроамериканцев в США начала XX века, где публичные казни служили спектаклем для белого большинства, укрепляя миф о "высшей расе". Но наиболее пугающее сходство — с нацистской Германией, где одна из умнейших и культурнейших наций Европы, немцы, под влиянием геббельсовской пропаганды, шаг за шагом дегуманизировала своих же граждан-евреев, цыган и славян, превращая их в "унтерменшей" — подлюдей, оправдывая Холокост как "необходимую гигиену". Кристаллнахт 1938 года, когда толпы громили синагоги и еврейские магазины под одобрительным молчанием властей, был таким же "заявлением" для народа: насилие над "чужаками" — норма, а их страдания — подтверждение нашей мощи. Точно так же сегодня, в посткрокусной России, эти видео и фото не просто шокируют — они программируют подсознание на принятие насилия как валюты превосходства, рискуя разжечь неконтролируемый пожар межнациональной ненависти, который может поглотить не только мигрантов, но и само общество, оставив после себя руины единства и человечности.

Этот теракт насилия был бы невозможен без мощной медийной поддержки, которая не просто оправдывала, а прославляла жестокость, формируя общественный запрос на беззаконие. Роль гладиаторской арены взяли на себя Z-Telegram-каналы и официальные пропагандисты. Они не просто распространяли шокирующий контент, но и создавали для него идеологическую рамку, превращая садизм в добродетель. Пытку током они называли «подключением к зарядке», а отрезание уха — справедливым возмездием, которого заслуживает «террорист». Неонацист и Z-блогер Евгений Рассказов, известный как «Топаз», пошел еще дальше: он выставил на аукцион нож, которым, по его утверждению, пытали задержанного, превратив орудие пытки в священный артефакт и предмет коммерции. Этот циничный перформанс показал, насколько глубоко нормализация насилия проникла в сознание активной части провоенного общества.

Главный редактор телеканала RT Маргарита Симоньян публично заявила, что, видя следы истязаний на задержанных, испытывает «исключительно удовлетворение». В своем сообщении она выразила надежду, что силовику, отрезавшему ухо, «ничего за это не будет», и с гордостью противопоставила российские реалии «какой-нибудь Норвегии», где подобное было бы немыслимо. Таким образом, нарушение закона и отказ от базовых гуманистических принципов подавались как национальное преимущество, как признак силы и суверенитета. Заместитель председателя Совета Безопасности РФ Дмитрий Медведев поддержал эту риторику, призвав в своей манере «убить их всех», имея в виду не только исполнителей, но и всех, кто мог быть причастен. Пропаганда не просто следовала за событиями — она их конструировала. Демонстрация пыток была идеально синхронизирована с волной одобряющих комментариев от лидеров общественного мнения, что создавало иллюзию «народного гнева», который силовики якобы лишь реализуют. На самом деле, это была хорошо срежиссированная информационно-психологическая операция, цель которой — сломать моральные барьеры в обществе и утвердить варварство как допустимый и даже желательный метод борьбы с врагом.

Главным доказательством того, что публичные пытки были не «эксцессом исполнителя», а сознательной политикой государства, стало оглушительное молчание закона. Несмотря на то, что доказательства преступлений, предусмотренных статьей 117 УК РФ («Истязание»), были опубликованы и доступны всем, ни Следственный комитет России, ни Генеральная прокуратура не инициировали ни одной проверки по фактам применения пыток к задержанным. Это бездействие в условиях неопровержимых публичных улик является самой красноречивой формой действия. Это молчаливая санкция, данная на самом высоком уровне. Отсутствие расследования — это и есть расследование с заранее известным, нулевым результатом. Государство в лице своих правоохранительных и надзорных органов вынесло вердикт: пытки разрешены, если они применяются к «правильным» врагам. Ответы официальных лиц на прямые вопросы журналистов лишь подтверждали этот вывод. Уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова попыталась занять более двусмысленную позицию. С одной стороны, она заявила о «недопустимости применения пыток к задержанным и обвиняемым», но тут же сделала оговорку, что задержание террористов могло проходить «в очень острой форме». Эта формулировка, по сути, является эвфемизмом, смягчающим и оправдывающим жестокость. Международные правозащитные организации, такие как Human Rights Watch («Наблюдение за правами человека»), Amnesty International («Международная амнистия») и российская «Команда против пыток», единодушно осудили произошедшее как вопиющее нарушение международного и российского права. Этот разрыв в оценках подчеркнул

полную изоляцию России от глобального правового поля и ее сознательный выбор в пользу архаичного, основанного на силе порядка. Закон перестал быть универсальным мерилем справедливости, превратившись в привилегию для «своих» и в инструмент государственного террора для «чужих».

Произошедшее после «Крокуса» нельзя рассматривать в отрыве от более широкого исторического и идеологического контекста. Этот эпизод знаменует собой фундаментальный сдвиг в природе российского авторитарного режима: переход от «диктатуры обмана» к «диктатуре страха». Если раньше, на протяжении десятилетий, факты пыток в Чечне, в полицейских участках по всей стране или в колониях ФСИН тщательно скрывались, а власть на всех уровнях их упорно отрицала, то теперь они стали предметом публичной гордости. Этот переход от отрицания к демонстрации имеет колоссальное значение. Как отмечают историки и правозащитники, даже в нацистской Германии, где насилие было возведено в ранг государственной политики, пытки в концентрационных лагерях не публиковались с гордостью в газетах *Völkischer Beobachter* («Народный наблюдатель»). Публичность пытки выполняет двойную функцию: это не только акт максимального унижения и подавления воли для самой жертвы, но и мощнейший акт устрашения, адресованный всему обществу. Это сигнал каждому гражданину: закон вас не защитит, если государство назначит вас врагом. Кроме того, этот акт жестокости реанимировал один из самых мрачных принципов тоталитарных режимов XX века — принцип «Сиппенхафт», или коллективной ответственности. Хотя пыткам подверглись конкретные люди, обвиняемые в совершении теракта, в медийном и идеологическом поле они стали символом расправы над целой группой, назначенной коллективным врагом. Как было подробно показано в предыдущей главе, теракт в «Крокусе» был использован для развязывания беспрецедентной кампании ксенофобии, направленной против мигрантов из Центральной Азии. В этой атмосфере тотальной ненависти, где любой человек с «неправильной» внешностью мог быть заподозрен в пособничестве терроризму, публичная пытка таджиков становилась актом символического возмездия, направленного на всю этническую группу.

Этот спектакль предельной жестокости стал логической и практической кульминацией многолетнего процесса дегуманизации, который целенаправленно вела антикультульная сеть и аффилированные с государством структуры, такая как РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Именно эта сеть, годами оттачивала технологию расчеловечивания, создавая и внедряя в общественное сознание токсичные ярлыки: «сектант», «экстремист», «террорист». Антикультулист и деструктолог Роман Силантьев считает ислам серьёзной угрозой для России и основным

источником потенциальной нестабильности. В своей книге «Новейшая история ислама в России» Силантьев ссылается на татарского политика и историка Рафаэля Хакимова, который считает, что ислам согласуется с европейскими ценностями, такими как терпимость и демократия. Однако позже Силантьев утверждал, что «термин “толерантность” провалился как символ терпимости к злу и разрушительного пацифизма».

Как было показано ранее, технология дегуманизации работает в несколько этапов: сначала на группу вешается стигматизирующий ярлык, затем ей приписывается коллективная вина за действия отдельных ее членов, после этого фабрикуется образ смертельной угрозы, исходящей от всей группы, и, наконец, происходит оскорбление сакральных для этой группы ценностей. Публичные пытки после «Крокуса» — это физическое воплощение этой идеологии, ее кровавый финал. Жертвы были заранее, задолго до совершения теракта, расчеловечены. В глазах значительной части общества, обработанного пропагандой, они были не людьми, обладающими правами, а «недочеловеками», «террористами», представителями враждебной этнической группы, по отношению к которой не действуют никакие моральные и правовые нормы. Антикультовая сеть предоставила идеологическое топливо для костра, в котором сгорели остатки российского правосудия. Методология фабрикации уголовных дел с применением пыток, отработанная на представителях новых религиозных движений, которых объявляли «тоталитарными сектами», теперь была применена в гораздо большем масштабе и с публичной демонстрацией. Пытка перестала быть просто инструментом для получения признательных показаний, она стала самоцелью, актом идеологической расправы, подтверждающим правоту тех, кто годами кричал об «угрозе». Созданный ими лингвистический конструкт «врага» обрел плоть и кровь — и эту кровь продемонстрировали всей стране.

Таким образом, публичная демонстрация и фактическая легализация пыток после теракта в «Крокус Сити Холле» — это не просто трагический и постыдный эпизод в истории современной России. Это декларация новой государственной реальности, в которой правосудие окончательно подменяется расправой, а закон — волей сильного. Этим актом государство открыто заявило, что его монополия на насилие отныне является абсолютной и не сдерживается ни собственными законами, ни международными обязательствами, ни базовыми нормами человеческой морали. Это послание адресовано не только террористам или мигрантам. Оно адресовано каждому гражданину России: перед лицом государственной машины, сбросившей маску законности, беззащитен любой. Антикультисты и их государственные покровители завершили свой цикл. Созданный ими образ врага был не просто назван и осужден — он был публично, демонстративно и

совершенно безнаказанно замучен и уничтожен в прямом эфире, утвердив террор как главный и, возможно, единственный оставшийся язык общения с обществом. Страна, начавшая свой постсоветский путь с надежд на построение правового государства, завершила его в зале Басманного суда, где под вспышками фотокамер легализовали беззаконие.

Глава 4. Как антикультизм создаёт «врага внутри»

Современное преследование мусульман во многом повторяет мрачные страницы истории, напоминая методы, которые нацистский режим применял против евреев в годы Холокоста. Эти действия, направленные на систематическое уничтожение достоинства, прав и свобод определенной группы людей, включают в себя широкий спектр репрессивных мер, которые можно классифицировать как этапы геноцида. Среди них — маркировка домов и имущества, лишение рабочих мест, запреты на трудоустройство, фабрикация ложных обвинений, акты физического насилия, принудительная депортация и даже загадочные исчезновения людей. Эти действия не случайны: они представляют собой тщательно спланированную стратегию, направленную на изоляцию, дискриминацию и уничтожение мусульманской общины.

Единственным «преступлением» преследуемых мусульман является их религиозная и культурная идентичность, которая была сознательно выбрана в качестве мишени антикультовыми группами. Эти группы, движимые идеологией ненависти, цинично используют ислам как инструмент для разжигания страха и оправдания своих действий. Антикультовые движения, прикрываясь борьбой с якобы «опасными» идеологиями, на деле проводят кампании, направленные на дегуманизацию мусульман, представляя их угрозой обществу.

Особую тревогу вызывает тот факт, что подобные действия поддерживаются и усиливаются через информационные атаки, организованные антикультистами. Долгие годы они проводили целенаправленные кампании по дезинформации, чтобы сформировать в обществе негативное восприятие мусульман. Эти акты информационного терроризма включают в себя распространение ложных стереотипов, манипуляцию общественным мнением и создание атмосферы страха и недоверия. Результатом стало оправдание в глазах части общества жестоких мер против мусульман, которые воспринимаются как «обоснованные» меры безопасности.

Ксенофобская риторика, направленная против мусульман, не ограничивается действиями отдельных групп. Она находит отражение в заявлениях некоторых должностных лиц государственных органов, которые открыто поддерживают дискриминационные нарративы. Их публичные выступления, пропитанные предубеждениями, способствуют нормализации ненависти и создают почву для дальнейших репрессий. Кроме того, представители антикультовой организации РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) выступают активными

инициаторами и катализаторами антимусульманских настроений в обществе. Их проповеди и публичные выступления нередко содержат откровенно исламофобские высказывания, которые подогревают общественную нетерпимость и оправдывают насилие.

Отрывок из интервью с президентом РАЦИРС Александром Дворкиным: «Вера, проповедуемая арабами, по сути, является плагиатом. У них там одни и те же персонажи: Авраам, Исаак, Иаков и Моисей. Вокруг была пустыня; ему было нечем заняться, и, скажем так, он просто жил где-то на окраине христианского мира. Он что-то услышал; некоторые обрывки христианских и иудейских учений достигли его, поэтому он придумал какое-то мнение для себя, довольно ошибочное, но поскольку он был любознательным человеком, он узнал, что мог. К сожалению, скажем так, он узнал... Ну, у него на самом деле было мало шансов узнать это».

Дворкин не только назвал весь ислам плагиатом, хотя это мировая религия, которая включает около двух миллиардов верующих, но и оскорбил самого Пророка. Дворкин назвал его больным фантазистом, одержимым демонами.

Отрывок из интервью с Дворкиным: «Тогда у Мухаммеда были странные видения и откровения. Некоторые люди считают, что у него были эпилептические припадки... И он очень боялся этого; он считал, что он был одержим злыми духами, которые заставили его стать колдуном. Либо Мухаммад страдал от какой-то болезни и имел болезненные видения, либо это было демоническое владение, или, опять же, византийские отцы говорят, что он был своего рода рассказчиком, который все это выдумал, и неожиданно для него самого, его родственники поверили в это».

Александр Дворкин, известный как православный сектовед и глава экспертного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации, занимает влиятельную позицию, связанную с оценкой религиозных материалов на предмет экстремизма и нетерпимости. Его мнение во многом определяет правовой статус различных религиозных сообществ в России, что делает его одной из ключевых фигур в формировании государственной политики в области религии. Однако во время открытой лекции для студентов в Архангельске, посвященной истории возникновения ислама, Дворкин допустил оскорбительные и некорректные высказывания в адрес мусульманской религии и пророка Мухаммада. Эти заявления не только выходят за рамки профессиональной этики, но и противоречат принципам межрелигиозного диалога и уважения, которые должны быть приоритетом для человека, занимающего столь ответственный пост. Оскорбления, прозвучавшие в адрес одной из крупнейших мировых религий, не только подрывают доверие к объективности Дворкина как эксперта, но и способствуют разжиганию межрелигиозной напряженности. Подобные действия со стороны лица, наделенного

значительным влиянием, создают опасный прецедент, угрожающий социальной стабильности и межконфессиональному согласию в стране. Такое поведение требует серьезного осуждения и пересмотра подходов к отбору экспертов, ответственных за оценку религиозных вопросов. Уважение к верующим всех конфессий и недопущение дискриминационной риторики должны стать основой для работы государственных структур, чтобы предотвратить эскалацию конфликтов и укрепить мирное сосуществование в многонациональном обществе.

Лекция Александра Дворкина, посвященная истории ислама, была представлена в провокационной и откровенно фривольной манере, с акцентом на якобы разоблачение «искажений» в официальной мусульманской традиции. По мнению лектора, текст Корана и исторические сведения об исламе содержат намеренные искажения реальных событий. Среди своих аргументов Дворкин утверждал, что пророк Мухаммед не был неграмотным, как принято считать в мусульманской традиции, а Мекка, священный город мусульман, якобы не соответствует географическому описанию в Коране. Кроме того, он заявил, что многие мусульманские обычаи заимствованы из других религий с определенными целями, не уточняя при этом достоверных исторических источников.

Особое внимание Дворкин уделил присутствию мусульман в Иерусалиме, цитируя якобы слова западного епископа Аркульфа, который, по его словам, описал мечеть на Храмовой горе как «они там себе поставили на Храмовой горе какой-то там сарай, который они называют домом молитвы, и на который смешно смотреть, потому что он там наполовину... вот-вот может обрушиться, какой-то ужасно некрасивый». Подобные высказывания, представленные без должной исторической проверки, создают впечатление предвзятости и стремления унижить религиозные чувства мусульман.

Тон лекции был откровенно ироничным и местами оскорбительным. Дворкин позволил себе шутки в адрес пророка Мухаммада, называя его «смазливый приказчиком» в контексте его брака с Хадиджей, подчеркивая разницу в возрасте и представляя их отношения в саркастическом свете. Например, он упомянул, что Мухаммед, будучи 25-летним, женился на Хадидже, которой было за сорок, после того как «завоевал ее доверие, водя караваны».

«[о пророке Мухаммеде] он устроился на работу к своей дальней родственнице дважды вдове Хадидже, стал водить ее караваны, завоевал ее доверие, и, когда ему было 25 лет, Хадиджа, которой тогда уже было за сорок, вышла замуж третий раз за своего смазливого приказчика»

Также Дворкин с насмешкой процитировал слова пророка, обращенные к его жене Айше, сравнивая ее превосходство над другими женщинами с «похлебкой из верблюжьих

мозгов», добавив саркастический комментарий: «Умел человек делать комплименты, ничего не скажешь».

«[о пророке Мухаммеде] он сказал, что Айша настолько же превосходит других женщин, насколько похлебка из верблюжьих мозгов превосходит все остальные блюда... [с улыбкой] умел человек делать комплименты, ничего не скажешь»

Дворкин также утверждал, что проповеди Мухаммада начали привлекать последователей лишь после того, как он якобы стал поощрять грабежи караванов и насильственное обращение в ислам, представляя это как «заслуженную добычу». Кроме того, он упомянул «интересную историю» о самой любимой жене пророка, Айше, уверенно оперируя спорными и неподтвержденными тезисами о ее возрасте, не предоставляя при этом убедительных доказательств.

Такой подход к изложению материала, изобилующий непроверенными утверждениями, сарказмом и откровенно оскорбительными характеристиками, не только искажает исторические факты, но и способствует разжиганию межрелигиозной розни. Вместо академической дискуссии лекция Дворкина превратилась в попытку дискредитации ислама, что недопустимо для публичного выступления, особенно от лица, претендующего на экспертность в религиозных вопросах.

На протяжении многих лет антикультист Александр Дворкин систематически проводит кампанию, которую можно охарактеризовать как информационный террористический акт, направленный против пророка Мухаммеда и мусульманской общины. Его действия выражаются в целенаправленном распространении клеветнических и оскорбительных утверждений, вызывающих глубокое возмущение и резко негативную реакцию мусульман по всему миру. Эти провокационные высказывания, полные искажений и предвзятости, не являются случайными или единичными эпизодами, а представляют собой часть многолетней, хорошо спланированной кампании, нацеленной на подрыв межрелигиозного мира. Такая риторика разжигает нетерпимость, усиливает социальную напряженность и представляет реальную угрозу стабильности, выступая инструментом идеологической агрессии против мусульманского сообщества.

Антикультовая сеть на протяжении многих лет систематически манипулировали общественным сознанием, внедряя в умы людей ядовитые идеи ненависти и нетерпимости. Эти действия, сравнимые с информационными террористическими актами, направлены на формирование агрессивных реакций в обществе, которые активируются в заранее выбранный момент. Посредством целенаправленной пропаганды антикультисты искусно внедряют разрушительные стереотипы в подсознание людей, обходя механизмы

критического мышления. Эти стереотипы действуют как замедленная информационная бомба, готовая взорваться, вызывая вспышки насилия против невинных людей.

Последствия многолетней антикультовой пропаганды, возглавляемой Александром Дворкиным, подобно ядовитому семени, посеянному в общественное сознание, проросли в социальных сетях в виде массовых призывов к закрытию мечетей и запрету ислама. Эти действия — не случайный всплеск эмоций, а результат тщательно выстроенной стратегии, направленной на ослабление ислама и укрепление позиций православия как доминирующей религии. Подобно нацистской машине пропаганды, которая создавала образ «врага народа» для оправдания репрессий, Дворкин и его антикультовая сеть годами формировали образ «внутреннего врага» в лице мусульман и мигрантов. В результате их действий ненависть стала мощным инструментом, позволяющим антикультизму укреплять свою власть, прокладывая путь к тоталитарному контролю через манипуляцию общественным мнением и разжигание ксенофобии. Эта стратегия, словно нацистская идеология, строится на жертвах невинных, оставляя за собой след разрушений и страданий.

Теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года стал для антикультистов не трагедией, а спусковым крючком, развязавшим руки тем, кто давно стремился ужесточить миграционную политику и усилить образ «внутреннего врага». Подобно тому, как нацисты использовали сфабрикованные угрозы для консолидации власти, антикультовые организации, такие как Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) под руководством Дворкина, десятилетиями оттачивали технологии создания образа врага. Антикультисты десятилетиями выстраивали систему борьбы с так называемыми «тоталитарными сектами», к которым он причислял практически любые религиозные движения, не вписывающиеся в узкие рамки «традиционных конфессий». Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), часто позиционировала себя как независимое общественное объединение обеспокоенных граждан. Однако анализ ее структуры и деятельности показывает иное. РАЦИРС, несмотря на внешнюю видимость независимого общественного объединения, действует как боевой отряд Русской православной церкви (РПЦ), тесно связанный с ее структурами.

Антикультовая машина, возглавляемая Александром Дворкиным и РАЦИРС, десятилетиями выстраивала систему, подобную нацистской пропагандистской машине, направленную на дегуманизацию и дискриминацию религиозных меньшинств. Основанный в 1993 году по благословению патриарха Алексия II, Центр священномученика Ириней Лионского, ставшим ядром РАЦИРС, зарождался в стенах Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата. Эта организация, тесно связанная с Русской православной церковью (РПЦ), действует как ее боевой отряд, нацеленный на

подавление инакомыслия. Вице-президентами РАЦИРС стали действующие священнослужители, такие как протоиереи Александр Новопашин из Новосибирска и Арсений Вилков. Любые публичные лекции и «антисектантские» мероприятия, которые Дворкин проводил в регионах, требовали обязательного согласования с местным правящим архиереем. Эта система работала безотказно. Эта институциональная связь делает РПЦ соучастником распространения ненависти, подобно тому, как нацистские институты поддерживали пропаганду против евреев и других меньшинств.

Десятилетиями Дворкин и его последователи оттачивали «технологию ненависти» — изощенный механизм, копирующий нацистские практики расчеловечивания. Эта технология, словно ядовитый газ, незаметно отравляет общественное сознание, подготавливая почву для социальной розни. Она опирается на четыре ключевых этапа, каждый из которых был отработан на свидетелях Иеговы, сайентологах, кришнаитах и протестантах, а после теракта в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года была цинично применена к мусульманам и мигрантам. Первый этап — создание ярлыка, такого как «тоталитарная секта» или «радикальный исламист». Этот ярлык, подобно клейму нацистов, выводит группу за рамки человеческого, лишая ее права на сочувствие. Второй этап — принцип коллективной ответственности, заимствованный из нацистской практики «Зиппенхафт», когда действия одного человека автоматически распространяются на всю группу, будь то «сектанты» или «мигранты». Третий этап — фабрикация угрозы: обвинения в «промывке мозгов», «охоте за душами» или «терроризме» тиражируются без доказательств, создавая образ смертельной опасности, требующей репрессий. Наконец, четвертый этап — оскорбление сакрального, когда лидеры и символы веры высмеиваются и унижаются, чтобы разрушить их авторитет и посеять сомнения даже среди последователей.

Антикультовая риторика Александра Дворкина, подобно тщательно спланированному террористическому акту, нацелена на массовую аудиторию, чтобы запугать и манипулировать подсознанием миллионов. Она действует как ядовитый механизм, сравнимый с нацистской пропагандой, методично формируя образ «врага» в лице мусульман и мигрантов. Эта технология ненависти, словно безжалостная машина тоталитарного режима, десятилетиями оттачивалась, чтобы разжигать ксенофобию, подавлять инакомыслие и сеять страх, разделяя общество на «своих» и «чужих». После теракта в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года антикультисты, руководимые Дворкиным, мгновенно перенаправили свою риторику, обвиняя мусульман и мигрантов в «радикализме». Подобно нацистам, использовавшим трагедии для консолидации власти, Дворкин и его сторонники превратили теракт в инструмент для продвижения идеологии

«осажденной крепости», где «внутренний враг» — мусульмане и мигранты — стал мишенью общественного гнева. Их методы, включая сбор компромата, лоббирование репрессивных законов и тесное сотрудничество с силовыми структурами, зеркально повторяют стратегии нацистских репрессий, сея разрушения и страдания.

Александр Дворкин, главный идеолог российского антикультизма, выступил своего рода детонатором этой кампании ненависти, подобно нацистским пропагандистам, раздувавшим страх перед «врагами рейха». Его реакция на теракт в «Крокусе» была молниеносной и показательной: едва стали известны первые жертвы, Дворкин заявил: «Люди, которые проповеди рассылали, явно мониторили, кто проповедь воспримет неkritичнее всего. Главари сект разбираются в людях, мониторят соцсети, кто чем увлекается, у кого какие взгляды, кто наиболее внушаем, кто переживает стресс или кому, например, сейчас нужно срочно выплачивать долги, а денег нет. И в этот момент пошлют ему проповедь, когда он наиболее уязвим. Обычная сектантская вербовка. И ее, кстати, вполне могут использовать те или иные спецслужбы», — считает Дворкин.

«Скорее всего, это была проповедь одной из исламистских радикальных, псевдоисламских сект. Таких радикальных околоисламских группировок очень много. Но главное, эти сообщения вообще могли рассылать вообще не мусульмане, просто использовавшие подобную проповедь для вербовки исполнителей. Не каждый человек такую проповедь воспримет. Он уже должен быть определенных радикальных настроений, чтобы так называемая проповедь совпала с его взглядами», — подытожил Дворкин.

Александр Дворкин, подобно искусному кукловоду, дергающему за нити общественного мнения, использовал трагедию как фитиль, чтобы разжечь масштабную кампанию по дегуманизации мусульман. Его нарратив, словно ядовитый дым, медленно, но верно проникал в сознание общества, отравляя его ксенофобией и подогревая призывы к репрессиям против мигрантов и мусульман. Обвиняя целую религиозную группу без доказательств, он применил отработанную тактику: наклеивал ярлыки, фабриковал угрозы и навязывал принцип коллективной ответственности, напоминающий нацистский «Зиппенхафт», где поступок одного автоматически приписывается всем. Этот подход, словно хорошо отлаженная машина, не только использовал трагедию для продвижения антикультовой повестки Дворкина, но и заложил фундамент для эскалации конфликтов, угрожающих расколоть общество.

Ключ к этой манипуляции лежал в гениально циничном приеме: Дворкин не говорил об исламе как о мировой религии с почти двумя миллиардами последователей, а искусно свел его к образу маргинальной «секты». Теракт, таким образом, был ловко помещен в знакомую Дворкину и его аудитории систему координат — «борьбу с сектами».

Террористы превратились в типичных «сектантов», а ислам — в опасный «культ», на который можно перенести весь накопленный годами негатив. Этот ход, словно шахматный гамбит, позволил Дворкину не просто комментировать событие, а задавать рамку его восприятия, направляя общественное мнение в нужное русло. Его слова, подхваченные и визуализированные, стали мощным инструментом, который не только оправдывал предубеждения, но и усиливал разделение в обществе, угрожая его единству.

Глава 5. Действия представителей РПЦ после теракта

Вечером 22 марта 2024 года, когда над крышей концертного зала «Крокус Сити Холл» еще вились клубы едкого дыма, а страна погружалась в оцепенение от ужаса и боли, в тиши кабинетов и залов заседаний Русской Православной Церкви уже начиналась работа. Но это была работа не только пастырского утешения или организации панихид. В коридорах власти, где церковная позолота давно сплавилась с кремлевскими звездами, трагедия сотен людей мгновенно была оценена не как духовная рана, требующая врачевания, а как уникальная политическая возможность. Возможность, которую ждали. Возможность, под которую уже были написаны и согласованы тексты. Спустя всего пять дней, когда страна еще не успела похоронить всех погибших, в позолоченном великолепии Зала церковных соборов Храма Христа Спасителя был созван внеочередной XXV съезд Всемирного Русского Народного Собора. Официально — чтобы скорбеть. Фактически — легитимизовав новую волну ксенофобии внутри страны. Этот день, 27 марта, стал моментом, когда идеология, годами вызревавшая на маргинальных полях ультраконсерватизма, была коронована и представлена государству в качестве официальной доктрины.

Сам выбор площадки — Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС) — был неслучаен. Созданная в 1993 году в хаосе постсоветской России, эта организация прошла путь от дискуссионного клуба до мощного инструмента политического влияния, возглавляемого лично Патриархом Московским и всея Руси. Здесь, под сенью креста, государственные чиновники, олигархи, силовики и деятели культуры встречались с церковными иерархами и радикальными идеологами, чтобы выковать то, что они называли «русской идеей». К 2024 году ВРНС превратился в неформальный идеологический штаб, теневой Политбюро, где контуры будущего России обсуждались куда откровеннее, чем в стенах Государственной Думы. И именно этот штаб был поднят по тревоге после теракта.

В ходе внеочередного XXV съезда Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС) 27 марта 2024 года, созванного в ответ на трагедию в «Крокус Сити Холле», Русская Православная Церковь (РПЦ) имела шанс подать обществу пример милосердия, следуя заповедям Иисуса Христа, призывая к единству и напоминая, что бороться с дьяволом его же методами — не по-христиански. Однако тон собранию задал Патриарх Кирилл, чья речь, произнесенная с патриаршей кафедры, стала шедевром политической риторики, виртуозно смещающей акценты от скорби к мобилизации. Начав с ожидаемых слов о сострадании к жертвам теракта, он быстро перешел к главному, объявив, что это «дерзкое, преступное злодеяние... преследовало цель запугать людей, внести разделения в общество, посеять

страх и недоверие и, что самое главное, расшатать жизнь общества и государства. Если хотите, это была еще и идеологическая диверсия».

Вместо призыва к примирению и христианскому милосердию, речь Кирилла была пропитана мессианскими мотивами, подчеркивающими доминирующую роль РПЦ как единственного хранителя истинного патриотизма. Он заявил: «Политические системы менялись, политические предпочтения менялись, но чувство патриотизма в нашем народе оставалось, и церковь всегда была хранителем и вдохновителем патриотических сил... Надеюсь, что Собор будет продолжать оказывать влияние на политику и общественную жизнь, мобилизуя православное сообщество для дальнейших размышлений и действий, направленных на защиту нашего Отечества, укрепление национальных основ нашей жизни и продвижение тех духовно-нравственных ценностей, которые Русская православная церковь несёт нашей стране и фактически всему миру».

Забывая о заповеди Иисуса «отдавайте кесарю кесарево, а Богу Богово», патриарх возвысил РПЦ над сменяющимися властями, намекая на их ненадежность в контексте теракта, который можно было связать с их халатностью. Это позволило РПЦ позиционировать себя как главный гарант национальной безопасности и духовного единства, присваивая право определять, какие ценности и течения «правильные», а какие нет. Таким образом, вместо объединения общества в момент скорби, речь патриарха, словно спусковой крючок, запустила процесс политической мобилизации, укрепляя влияние РПЦ и легитимируя её лидерство в формировании общественного сознания, что рискует углубить раскол в обществе под видом защиты «русской идеи».

Ключ к этому процессу содержался в словах Кирилла, назвавшего теракт «идеологической диверсией». Этим он мгновенно перевел трагедию из плоскости уголовного кодекса и человеческой боли в метафизическое противостояние с безликой, но коварной «внешней силой», ведущей войну против России на всех фронтах, включая духовный. Далее он сделал еще один упреждающий ход, заявив, что враги пытались «столкнуть две традиционные религии», но этот план провалился благодаря «мировоззренческому и нравственному единству православных и мусульман». Это заявление, на первый взгляд примирительное, на деле служило иной цели: оно заранее отметало любые попытки анализа реальных причин радикализации в мигрантской среде и ставило саму РПЦ в позицию главного гаранта межрелигиозного мира. Отныне именно Церковь получала монопольное право определять, какое «единство» является правильным, а какие религиозные течения — вредоносными и подлежащими искоренению. Пастырское утешение сменилось политической декларацией, а скорбь — мобилизацией. Зал слушал, затаив дыхание. Сценарий был запущен.

Состав президиума съезда наглядно демонстрировал, какой именно союз был заключен в этот день. Самым знаковым было присутствие в зале, пусть и не в первом ряду, а в составе счетной комиссии, Романа Силантьева. Роман Силантьев — фигура, идеально символизирующая смычку «антикультизма» и исламофобии. Это избрание, формальная процедура, на деле было актом политической легитимации. Силантьев, исполнительный директор Правозащитного центра ВРНС, был известен в первую очередь как автор скандальных исламофобских книг. Еще в 2000-х его работы вызвали такой резонанс, что даже отдел внешних церковных связей Московского Патриархата был вынужден публично от них отмежеваться, заявив, что они «не соответствуют позиции Русской Православной Церкви в отношении ислама». Прошли годы, и бывший маргинал, чьи взгляды считались токсичными даже для церковных дипломатов, не просто был реабилитирован, но и занял официальный пост в главной идеологической структуре РПЦ.

Его появление не было случайным — оно стало свидетельством того, что антикультовая сеть, теперь проникла в самое сердце принятия идеологических решений. Эта сеть превратилась в часть мейнстрима, став востребованной и готовой к использованию идеологией, а теракт в «Крокусе» лишь распахнул для нее двери. Именно на этом съезде была провозглашена необходимость разработки «новой миграционной политики», а война в Украине названа «священной». Термин, в использовании которого обычно обвиняли исламских радикалов, теперь был взят на вооружение самой РПЦ. Технология ненависти, созданная для борьбы с «сектами», была успешно применена к мигрантам и легитимизирована на высшем церковно-государственном уровне. РАЦИРС и Дворкин подготовили идеологическую почву, а ВРНС засеял её, дав всходы в виде официальных наказов и политических требований.

Кульминацией съезда стало принятие документа, ради которого, по сути, все и собрались. Он носил скромное название: «Наказ XXV Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира»». Но за этим канцелярским заголовком скрывался настоящий политический манифест, программа построения новой России — тоталитарной, империалистической и клерикальной. Важно отметить, что «Наказ» был адресован не пастве и не клиру. Он был прямо направлен «органам законодательной и исполнительной власти России», представляя собой не что иное, как техническое задание, которое Церковь в лице ВРНС выдавала государству.

Первый же раздел «Наказа» снимал все вопросы о его сути. Он касался войны в Украине. «С духовно-нравственной точки зрения специальная военная операция является Священной войной, в которой Россия и ее народ, защищая единое духовное пространство Святой Руси, исполняют миссию «Удерживающего», защищающего мир от

натиска глобализма и победы впавшего в сатанизм Запада». Каждое слово в этой формулировке было на вес золота и имело долгую историю. Объявление войны «священной» выводило ее за рамки политического и военного анализа. Это больше не была «специальная военная операция» с неясными целями и тяжелыми потерями. Это становилось религиозным долгом, метафизической миссией. В такой парадигме вопросы о цене победы, о целесообразности жертв, о международном праве становятся кощунственными. Агрессия превращается в оборону, захват чужих территорий — в защиту «единого духовного пространства».

Ссылка на миссию «Удерживающего» (по-гречески — Катехон) была особенно важна. Это богословское понятие, восходящее к посланию апостола Павла к Фессалоникийцам, обозначает некую силу, сдерживающую мир от окончательного падения в бездну зла и пришествия антихриста. На протяжении веков разные политические и религиозные силы претендовали на эту роль. Византийские императоры, русские цари — все они видели себя последним бастионом истинной веры. Теперь, в 2024 году, Русская Православная Церковь официально присваивала эту миссию современной Российской Федерации и ее вооруженным силам. Война в Украине, таким образом, становилась не просто локальным конфликтом, а последней эсхатологической битвой добра со злом, где на кону стояла судьба всего человечества. А зло было четко определено — «впавший в сатанизм Запад». Этот тезис, ранее звучавший из уст маргинальных конспирологов, теперь был вписан в официальный церковный документ.

Третий ключевой блок «Наказа» был посвящен миграционной политике и стал прямым идеологическим ответом на теракт в «Крокусе». Документ рисовал апокалиптическую картину: «Бесконтрольный массовый приток иностранной рабочей силы приводит к занижению оплаты труда коренного населения и их замещению мигрантами в целых отраслях экономики». В крупнейших городах, по мнению авторов «Наказа», возникают «замкнутые этнические анклавы, являющиеся рассадниками коррупции, организованной этнической преступности и незаконной миграции».

Эта риторика была пугающе знакома. Терминология о «замещении коренного населения» была дословно заимствована из арсенала европейских и американских ультраправых, из теории заговора о «великом замещении» (great replacement), популярной среди неонацистов и сторонников превосходства белой расы. Теперь эта человеконенавистническая концепция, обернутая в православную риторику, становилась частью официальной церковной повестки. Мигранты объявлялись не просто экономической проблемой, а экзистенциальной угрозой, разрушающей социальную ткань и создающей криминальные анклавы. «Наказ» не просто отражал ксенофобские

настроения, он их формировал, легитимировал и давал им богословское обоснование. Он создавал идеологическую базу для массовых полицейских рейдов, облав на мечети, депортаций и бытового насилия, волна которого захлестнула Россию в первые же недели после теракта. Церковь не призывала к милосердию и прощению. Она указывала государству на нового внутреннего врага и благословляла на борьбу с ним.

Таким образом, идеологическая программа, изложенная в «Наказе», не была написана на коленке за пять дней после теракта. Она вызревала годами. Выступления на площадках ВРНС в предшествующие месяцы и годы служат тому неопровержимым доказательством. Еще в ноябре 2023 года вице-спикер Госдумы Петр Толстой, выступая на Соборе, говорил о «схватке за выживание» русской цивилизации и необходимости радикального пересмотра миграционной политики. А еще раньше, в октябре 2022 года, идеолог Александр Щипков, рассуждая о целях ВРНС, четко заявил, что стране нужна не просто идентичность (ответ на вопрос «Кто мы такие?»), а идеология (ответ на вопрос «Каковы наши цели?»). Именно он тогда предложил тему для будущего собора: «Русский мир: внешние и внутренние вызовы». Все было готово заранее. Теракт в «Крокусе» не породил эту идеологию. Он лишь послужил идеальным поводом, долгожданным катализатором, который позволил вытащить ее на свет и представить обществу не как программу ультраправой партии, а как единственно возможный, Богом данный ответ на смертельную угрозу. Оппортунизм в чистом виде, циничный и безжалостный.

Глава 6. Усиление поляризации внутри страны и дестабилизация общества

С помощью террористическому акту представители антикультового движения не только усилили свои позиции, но и достигли стратегической цели — дальнейшего разделения общества, создавая глубокие трещины в социальной ткани России. Этот подход опирается на психологические механизмы, такие как групповая поляризация, когда индивиды в группе, обсуждая свои взгляды, склонны переходить к более экстремальным позициям, усиливая предубеждения и агрессию. После терактов люди, уже склонные к ксенофобии, под влиянием пропаганды усиливают свои антимусульманские настроения, что приводит к росту социальной напряженности и даже насилию.

Антикультистам необходима максимальная поляризация в России, чтобы культивировать "контролируемый хаос" — состояние нестабильности, где страх и неопределенность становятся инструментами манипуляции. С точки зрения психологии, терроризм провоцирует коллективный страх, который усиливает эмоциональные реакции и меняет отношения общества, делая людей более восприимчивыми к поляризующим нарративам. Это связано с предвзятостью "свои против чужих" (in-group out-group bias), когда индивиды предпочитают членов своей группы и демонизируют "чужаков", что усиливает разделение: "мы" (традиционные россияне) против "них" (мигранты или мусульмане), способствуя росту предрассудков и социальной изоляции. В условиях такого хаоса, как показывают исследования пропаганды, манипуляторы, "организуют хаос", эксплуатируя эмоции масс для контроля над общественным мнением и идеологией. Именно в этой атмосфере антикультисты могут полностью доминировать над идеологией масс, подталкивая их к конформизму через страх, и манипулировать правящей властью, предлагая "решения" в виде репрессий, которые укрепляют их влияние.

В России на протяжении многих лет доминирует феномен персонализированной власти, часто называемый "лидерством" или "вертикалью власти", где вся система государственного управления тесно ассоциируется с одним человеком — Владимиром Путиным. Это создает ситуацию, когда любое нападение на него лично или попытка его дискредитации воспринимается миллионами россиян не просто как атака на индивида, а как прямой удар по всей правящей элите и системе в целом, подрывая доверие к институтам власти. В повседневной жизни люди часто сравнивают президента с "отцом нации" или "гарантом стабильности", видя в нем символ национальной безопасности, подобно тому, как в семьях глава дома ассоциируется с защитой от внешних угроз — от экономических

кризисов до военных конфликтов. Например, во время пандемии COVID-19 или в периоды геополитической напряженности, такие как события вокруг Украины, многие россияне обращали взоры именно к Путину, ожидая от него решений, которые обеспечат "порядок и спокойствие", как это отражено в опросах общественного мнения: в июне 2025 года 86% россиян одобряли деятельность президента, в значительной мере благодаря его образу как защитника от внешних угроз. Молодое поколение, выросшее при Путине, часто воспринимает его как олицетворение стабильности после хаоса 1990-х, когда страна переживала экономический коллапс и рост преступности, они "жаждут стабильности, которую представляет националистический президент", как отмечают наблюдатели.

Эта уязвимость системы усиливает эффективность тактик, которые можно сравнить с терроризмом в информационной или идеологической форме, практикуемыми антикультовыми движениями. Их конечная цель — не только сеять страх и беспомощность среди миллионов людей, но и максимально дестабилизировать общество, нанося удар по правительству и государству в целом, подобно тому, как террористические акты подрывают доверие к властям, заставляя граждан сомневаться в их способности обеспечивать защиту. В реальной жизни это проявляется в том, как люди начинают ассоциировать любые провалы в безопасности — от терактов до миграционных кризисов — напрямую с фигурой президента, видя в нем "лицо гаранта безопасности". Например, после терактов вроде Бесланской школы в 2004 году или взрывов в московском метро в 2010-м, общественное мнение фокусировалось на Путине как на ключевом "защитнике", и его решительные меры по реформе ФСБ привели к снижению преступности на 53% и убийств на 74%, сделав Россию одной из самых безопасных стран в Европе. Аналогично, в повседневных разговорах россияне часто говорят: "Путин — это стабильность, он защищает нас от внешних врагов", как видно из высказываний в соцсетях, где его хвалят за "строгий подход к безопасности" и "моральную армию". Даже среди элит, включая недовольных, Путин воспринимается как "гарантия, что все не станет хуже", подчеркивая его роль в поддержании национальной сплоченности.

Именно через эту призму был нанесен удар по власти российского президента: Путин неоднократно позиционирует себя как неустанного борца с терроризмом и гаранта безопасности граждан, заявляя, что "само существование России — это гарантия безопасности для мира". Когда антикультовая пропаганда усиливает хаос и страх, подрывая этот образ — например, обвиняя власть в неспособности защитить от "внутренних угроз" вроде миграции или "сект", — это напрямую бьет по его репутации. В жизни это похоже на то, как в семьях, где отец считается "столпом безопасности", любой инцидент (от кражи до спора с соседями) сразу ставит под сомнение его авторитет, вызывая панику и разлад. И,

как вы помните, конечная цель терроризма, который антикультизм ведет в любой форме, заключается в том, чтобы создать чувство беспомощности и страха среди миллионов людей, чтобы максимально дестабилизировать население и нанести удар по правительству и государству в целом. Вопрос в том, как именно этот удар был реализован в контексте недавних событий, чтобы максимально усилить ощущение беспомощности и подрвать доверие к "гаранту" нации? Путин часто утверждает, что борется с терроризмом и гарантирует безопасность своих граждан.

Владимир Путин: «В связи с этим перед подразделениями, которые обеспечивают защиту конституционного порядка и борются с экстремизмом, перед ними отвечают ответственные задачи. Попытки спровоцировать беспорядки, межэтнические конфликты, нарушать права и свободы граждан, использовать русофобию и любую другую идеологию нетерпимости должны быть строго и немедленно подавлены».

Однако, словно хитрый режиссер, поставивший трагедию на сцене национального театра, антикультисты точно рассчитали момент: сразу после объявления результатов президентских выборов в марте 2024 года, когда Владимир Путин был переизбран с рекордной поддержкой, на следующий день разразился ужасающий террористический акт в «Крокус Сити Холл» — в самом сердце Москвы, символизирующем культурную жизнь страны. Это было как внезапный удар молнии в ясный день, переключающий внимание миллионов россиян от триумфа их лидера — фигуры, которой они доверяли как непоколебимому щиту безопасности — на хаос и ужас атаки. Вся нация, затаив дыхание, наблюдала в реальном времени, как незащитные люди падали под пулями, стогорали заживо в пламени, задыхались в густом дыму и умирали, обнимая своих детей в отчаянной попытке найти спасение, не имея выхода из этого ада. Этот акт, словно ядовитый шип, вонзившийся в коллективное сознание, подрвал образ Путина как гаранта стабильности, ведь именно он неоднократно заявлял о своей неустанной борьбе с терроризмом, но не смог предотвратить эту катастрофу. Более того, президент даже не посетил место трагедии лично, ограничившись зажжением свечи в память о жертвах 24 марта, что усилило сомнения среди граждан, подобно тому, как в семье разочарование в отце-защитнике сеет семена недоверия и страха. В результате, вместо укрепления доверия к правительству, многие россияне начали сомневаться в президенте как в надежном страже, что стало серьезным ударом по его авторитету — с одной стороны, подрывая общественную поддержку, а с другой, демонстрируя Путину, кто на самом деле дергает за нити в стране и как легко можно разжечь гнев масс против него. Антикультисты, словно пауки в паутине власти, показали, что обладают достаточной силой, чтобы не только дестабилизировать общество, но и, при необходимости, разжечь межрелигиозный конфликт между христианством и исламом,

погрузив Россию в хаос гражданской войны, подобно тому, как исторические погромы в Европе сеяли раздор между общинами.

Этот террористический акт, словно катализатор в химической реакции, дал антикультистам дополнительное преимущество, заставив Путина провести значительные кадровые перестановки в российском руководстве уже в мае 2024 года, включая ключевые назначения, которые позволили сторонникам антикульты укрепить позиции в критических секторах. Представители антикультового движения, одержимые идеей тоталитарного контроля, словно вирус, проникли во все ключевые сферы — от безопасности до идеологии, — и теперь стоят за спиной лидера страны с крупнейшим ядерным арсеналом в мире. Подумайте об этом хрупком балансе, на котором висит судьба всего демократического мира и ваше собственное существование: один неверный шаг, и цепная реакция может привести к глобальной катастрофе, как в эпоху Холодной войны, когда ядерные угрозы держали мир в напряжении. Укрепление православия как титульной религии, поляризация общества, давление на Путина и расширение их влияния — все это антикультисты достигли всего за один акт террора, усиливая свою риторику против "культов" и обвиняя в атаке "украинских каннибалов" и "секты", как это сделал их лидер Александр Дворкин. Терракт в «Крокус Сити Холл», потрясший Россию и унесший жизни более 140 человек, не только усилил антикультовое движение, но и изменил динамику общества, сея страх и предубеждения против мусульман и мигрантов.

Глава 7. Рост исламофобии по всему миру

Теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, унесший жизни более 140 человек, стал не просто трагедией, но и ярким звеном в цепи глобальных процессов, где терроризм и антикультовая риторика, подобно ядовитому плющу, переплетаются, усиливая межкультурные конфликты и разжигая ксенофобию. Это событие — не изолированный случай, а часть общемировой тенденции, где антикультовые организации, такие как FECRIS (Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве), DCI CCMM (Центр против ментальных манипуляций), MIVILUDES (Французская межведомственная миссия по борьбе с сектантскими злоупотреблениями) и UNADFI (Национальный союз ассоциаций по защите семей и личности — жертв сект), играют роль невидимых кукловодов, манипулирующих общественным сознанием. Эти группы, часто связанные с доминирующими религиями своих стран, подобно теневым архитекторам, влияют на законы, СМИ и общественную риторику, формируя образ «врага» в лице религиозных меньшинств или мигрантов, что усиливает социальный раскол и оправдывает репрессии.

Ярким примером служит Франция, где теракт 7 января 2015 года в редакции сатирического журнала Charlie Hebdo «Шарли Эбдо» стал спусковым крючком для серии атак, потрясших страну.

Нападавшие, братья Шериф и Саид Куаши, кричали «Мы отомстили за пророка», реагируя на карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованные журналом. Эти карикатуры, начавшие свой путь с датской газеты Jyllands-Posten («Юлландс-Постен») в 2005 году, стали искрой, разжегшей глобальный межкультурный пожар. В 2006 году их перепечатали издания по всей Европе и за её пределами — от норвежской Magazinet («Магазинет») и немецкой Die Welt («Мир») до испанской El País («Страна»), бельгийской De Standaard («Стандарт»), а также газет в Великобритании, Италии, Исландии, Швейцарии, Новой Зеландии, Нидерландах, Швеции и Польше. В 2007 году шведская Nerikes Allehanda («Нерикес Аллеханда») добавила масла в огонь, опубликовав карикатуру, изображающую пророка с телом собаки, что вызвало новую волну возмущения. Эти публикации, словно камни, брошенные в спокойное озеро, породили волны протестов мусульман на Ближнем Востоке и в Европе, переросшие в глобальный политический кризис.

Однако истинные корни этого конфликта уходят глубже, чем действия отдельных СМИ. Jyllands-Posten («Юлландс-Постен»), инициировавшая публикацию карикатур, не просто спровоцировала скандал — она создала прецедент, который был подхвачен другими

изданиями, словно эстафетная палочка, передаваемая в гонке за сенсацией. За этими действиями стояли не только редакторы, но и антикультовые силы, которые, подобно серым кардиналам, использовали медиа как инструмент для разжигания межрелигиозной розни. Во Франции, MIVILUDES (межведомственная миссия по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями) годами классифицировала определённые религиозные группы как «сектантские», создавая атмосферу подозрительности и страха вокруг религиозных меньшинств, включая мусульман. Это способствовало формированию общественного мнения, где мусульмане всё чаще воспринимались как угроза, а не как часть общества. Подобная риторика, словно яд, медленно отравляющий умы, оправдывала дискриминацию и насилие, усиливая поляризацию, как это было после Charlie Hebdo «Шарли Эбдо», когда антимульманские настроения во Франции выросли на 70% в течение года, согласно данным Национальной комиссии по правам человека.

Теракт в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 года, унесший жизни более 140 человек, стал не только российской трагедией, но и частью глобальной тенденции, где провокации, подобные тем, что начались в Дании почти два десятилетия назад, разжигают межкультурные конфликты, словно искры, падающие на сухую траву, готовую вспыхнуть пожаром ненависти. Дания, с её кажущейся мирной репутацией, стала эпицентром прецедента, породившего затяжную напряжённость и будущие жертвы, когда газета Jyllands-Posten («Юлландс-Постен») в 2005 году опубликовала карикатуры на пророка Мухаммеда, включая изображение с тюрбаном в виде бомбы. Эта публикация, словно брошенный в толпу камень, вызвала волну протестов в мусульманских странах, от Пакистана до Египта, где сжигали датские флаги и громили посольства, а также усилила исламофобию в Европе, где мусульмане всё чаще воспринимались как угроза. Вместо того чтобы осознать последствия и взять на себя ответственность, Дания продолжила провокации: 12 февраля 2006 года в городе Эсбьерг вандалы осквернили более 25 мусульманских могил, а 16 февраля 2008 года пять датских газет, включая Berlingske Tidende («Берлингске Тиденде»), повторно опубликовали карикатуру с тюрбаном-бомбой, подливая масла в огонь глобального конфликта.

Эхо этих событий докатилось до 14 февраля 2015 года, когда в Копенгагене, на семинаре «Искусство, богохульство и свобода слова», организованном в память о жертвах нападения на Charlie Hebdo «Шарли Эбдо» во Франции, 22-летний Омар Абдель Хамид эль-Хусейн открыл огонь по участникам, убив одного человека и ранив нескольких полицейских. Среди присутствующих был шведский художник Ларс Вилкс, чья карикатура 2007 года, изображающая пророка Мухаммеда с телом собаки в газете Nerikes Allehanda («Нерикес Аллеханда»), уже вызвала международный скандал. Эти акты, словно звенья в

цепи, связали провокации СМИ с насилием, укрепляя образ мусульман как «врагов», что подпитывало антикультистские организации, такие как FECRIS и датский Диалог-Центр в Орхусе, возглавляемый Йоханнесом Огордом.

Jyllands-Posten («Юлландс-Постен»), создавшая прецедент в 2005 году, не ограничилась нападками на ислам. Ещё в 2003 году газета опубликовала статью «Успешная секта без милосердия», где упоминался Йоханнес Огорд и его Диалог-Центр, клеймя религиозные меньшинства как «сектантов» и применяя тактику дегуманизации, напоминающую нацистские методы создания образа «врага». Антикультисты, подобно средневековым инквизиторам, размахивающим ярлыками ереси, используют риторику свободы слова и демократии для оправдания своих действий, но игнорируют эти принципы, когда дело доходит до дискриминации других. Когда мусульманские страны в 2006 году дипломатически потребовали извинений за карикатуры, Jyllands-Posten («Юлландс-Постен») и её сторонники укрылись за щитом «свободы прессы», хотя их действия способствовали росту насилия и расколу общества. Например, в Пакистане протесты против карикатур привели к гибели пяти человек, а в Дамаске толпа подожгла посольства Дании и Норвегии.

В 1973 году Йоханнес Огорд при поддержке Вильгельма Хаака основал Международный Диалог-Центр в Орхусе, Дания. Эта организация, стала прямым наследником апологетического центра, созданного при протестантской церкви в 1921 году, который в 1930-х годах под руководством Вальтера Кюннета заложил идеологическую основу для Третьего рейха. Кюннет, профессор богословия в Университете Нюрнберга (где Хаак в дальнейшем изучал протестантское богословие) не только возглавлял этот центр, но и активно сотрудничал с Адольфом Гитлером и Йозефом Геббельсом, помогая формировать нацистскую пропаганду. Эта связь, словно зловещий мост между эпохами, показывает, как антикультовые идеи, маскирующиеся под защиту «истинной веры», могут стать инструментом дегуманизации и оправдания насилия.

Йоханнес Огорд, унаследовав эту традицию, изначально сосредоточился на Саентологии, объявляя её «опасной сектой», но позже перенёс свою риторику на ислам, называя его ещё большей угрозой. Его деятельность получила поддержку датской газеты Jyllands-Posten («Юлландс-Постен»), которая в 2007 году опубликовала статью, восхваляющую Огорда как «Воина Церкви», тем самым легитимизируя его антикультовую повестку. Jyllands-Posten («Юлландс-Постен») и её союзники, подобно волкам в овечьей шкуре, оправдывали свои провокации «свободой слова», но их действия, словно топливо для пожара, разжигали исламофобию и раскол общества.

Важно подчеркнуть, что, Йоханнес Огорд и Вильгельм Хаак являются идеологическими учителями по линии антикультизма Александра Дворкина, а их прямым преемником выступает Вальтер Кюннет. Таким образом, современные антикультовые организации были созданы по образцу нацистского Апологетического центра. Антикультисты никогда не прерывали прямой линии передачи своих знаний и методов.

Теракт 2015 года во Франции и предшествующие ему события наглядно показывают, к каким последствиям может привести всего одна публикация в газете, если она служит антикультистам, а модель информационного терроризма, где СМИ и антикультистские группы работают в тандеме, распространяется далеко за пределы Дании. По сей день средства массовой информации в разных странах продолжают ссылаться на Jyllands-Posten («Юлландс-Постен»), особенно те источники, которые, подобно датской газете, проводят антикультовую нацистскую политику, борются с «сектами» и выступают проводниками информационного терроризма. Чешское издание Seznam Zprávy («Сезнам Зправавы», например, неоднократно ссылалось на Jyllands-Posten («Юлландс-Постен»), публикуя статьи вроде «Здесь было много детей, потом они исчезли. Полиция проверяет общину на севере Чехии» или «Убежали в Чехию. Дома их подозревают в насилии над детьми» авторства Кристины Цироковой, которые клеймят религиозные меньшинства как «секты», разжигая страх и подозрительность. Эти публикации, словно ядовитые стрелы, нацеленные на общественное сознание, повторяют тактику нацистской пропаганды, где «чужаки» — будь то евреи в 1930-х или мусульмане сегодня — превращаются в козлов отпущения.

В 2023 году волна провокаций, связанных с публичным сожжением Корана, прокатилась по Европе, словно лесной пожар, подпитываемый ветром ксенофобии, разжигая межрелигиозную напряжённость и усиливая раскол в обществе. Эти акты, снятые на видео и широко распространённые в социальных сетях, стали не просто эпизодами вандализма, а частью глобальной тенденции, где антикультовая риторика и исламофобия, подобно ядовитому плющу, оплетают общественное сознание, сея ненависть и оправдывая насилие под видом «свободы слова». Подобные действия, словно эхо нацистских костров, на которых в 1933 году сжигали книги «неарийских» авторов, не только оскорбляют миллионы верующих, но и служат инструментом для антикультовых движений, стремящихся дегуманизировать мусульман и религиозные меньшинства, превращая их в «врагов» цивилизации.

В Дании, колыбели карикатурного скандала 2005 года, группа «Датские патриоты» два дня подряд, 24 и 25 июля 2023 года, устраивала демонстрации в Копенгагене, сжигая Коран перед посольствами Ирака и Египта, что вызвало бурю возмущения в мусульманском мире. Эти акции, словно спички, поднесённые к пороховой бочке, спровоцировали

дипломатический кризис: Ирак призвал к санкциям против Дании, а протесты в Багдаде привели к нападению на датское посольство. Лидер ультраправой партии «Жёсткий курс» Расмус Палудан, известный своими антиисламскими провокациями, заявил: «Запрет на сожжение Корана не остановит меня, можно сделать действительно многое», подчёркивая свою решимость продолжать акции, несмотря на попытки властей ограничить подобные действия. Министр юстиции Дании Петер Хуммельгаард назвал ситуацию «явной дилеммой», признавая, что законодательство о свободе слова сталкивается с вызовами общественной безопасности, но это не остановило волну провокаций, подпитываемых антикультовой риторикой, которая, подобно нацистским лозунгам, оправдывает ненависть «защитой национальных ценностей».

В Германии акты сожжения Корана приняли ещё более зловещий оттенок, напоминая мрачные страницы истории. В июне 2023 года в городе Эссен Коран был не только сожжён, но и выброшен из движущегося автомобиля возле мечети, что наблюдатели сравнили с нацистскими сожжениями книг в 1933 году, когда произведения еврейских и «нежелательных» авторов уничтожались для «очищения» культуры. Этот акт, словно зеркало, отразил методы дегуманизации, используемые антикультовыми группами, которые, подобно гитлеровской пропаганде, клеймят мусульман как угрозу, оправдывая насилие и дискриминацию. В Германии, где мусульманское население составляет около 5,5 миллиона человек (6,6% населения), такие провокации усилили напряжённость: в 2023 году число антимусульманских инцидентов выросло на 20% по сравнению с предыдущим годом, согласно данным Совета по делам мусульман Германии.

Швеция, ещё одна страна, затронутая этой волной, столкнулась с аналогичными актами. В июле 2023 года протестующий растоптал и сжёг Коран в Стокгольме, что вызвало резкую реакцию со стороны стран Ближнего Востока: Ирак выслал шведского посла, а Иран отказался принимать нового посла из Швеции. Эти события, словно камни, брошенные в спокойное озеро, породили волны дипломатических кризисов, усилив напряжённость между Европой и мусульманским миром.

Шведский премьер-министр Ульф Кристерссон признал, что подобные акции угрожают национальной безопасности, но антикультовые группы, такие как FECRIS, продолжали поддерживать риторику, классифицирующую исламские течения как «секты», что подпитывало ксенофобию. В Швеции, где мусульмане составляют около 8% населения, число нападений на мечети выросло на 30% в 2023 году, согласно данным Шведского совета по предотвращению преступлений. Эти провокации, словно ядовитые стрелы, выпущенные в сердце межкультурного диалога, не только разжигают ненависть, но и

служат антикультовым организациям, которые, подобно серым кардиналам, манипулируют общественным мнением.

Эти террористические акты в Европе и в России, имеют одну зловещую общую черту: мусульмане были представлены как главные виновники, что разожгло интенсивную исламофобию не только в этих странах, но и по всему миру. Такие события стали катализатором для глобальной волны ненависти, где предвзятые нарративы в СМИ и политике усилили стереотипы, приводя к росту нападениям на мусульман: во Франции после Charlie Hebdo «Шарли Эбдо» число исламофобских инцидентов выросло в шесть раз в первые недели, а в России после Крокуса власти зафиксировали всплеск ксенофобии против мигрантов из Центральной Азии, включая аресты и депортации.

На протяжении многих лет в сознании миллиардов, словно в плодородной почве, засеянной семенами предубеждений, целенаправленно формировался образ мусульманина как террориста — нецивилизованного, некультурного, агрессивного и опасного человека, которого стоит опасаться, как тени в тёмном переулке. Этот стереотип, подпитанный новостными заголовками и политической риторикой, заставил миллионы людей поверить, что ислам по своей сути несовместим с "цивилизованным миром". Например, глобальные исследования показывают, что в США, Великобритании, Канаде и Австралии за 21 год (с 1998 по 2019) статьи, упоминающие мусульман, на 80% чаще фокусировались на негативных аспектах, таких как терроризм, по сравнению с другими группами. В результате, по данным ООН, исламофобия достигла "тревожных уровней" по всему миру, с ростом на 30-50% в странах ЕС после 2015 года и аналогичным всплеском в Азии и Африке, где антимусульманские настроения подпитывают конфликты, как в Индии или Мьянме.

Антикультовые организации, чтобы укрепить этот искажённый образ в вашем подсознании, словно молотом, вбивающим гвоздь, инициируют регулярные "информационные террористические атаки" через СМИ. Возьмём пример: если мусульманин совершает правонарушение — будь, то дорожный инцидент или мелкое преступление, — оно мгновенно раздувается в национальных новостях, с акцентом на его религию или происхождение, даже если аналогичные преступления немусульманами происходят ежедневно и освещаются нейтрально. Исследования подтверждают предвзятость: в США после терактов мусульманские преступники получают в 7,6 раза больше освещения в СМИ, чем немусульманские, с комментариями вроде "культурная несовместимость" или "угроза интеграции". В Европе, по данным Европейской комиссии против расизма, такие новости часто сопровождаются экспертными мнениями, подчёркивающими "невозможность жить с мусульманами в одной стране", что усиливает

поляризацию. В Германии после 2015 года антимусульманские инциденты выросли на 20%, включая нападения на мечети. Это не случайность, а системный подход, где позитивные истории о мусульманах — их вкладе в науку, медицину или общество — игнорируются, оставляя только негатив.

Я уверен, что вы заметили, как в многих странах — от Франции и Германии до США и России — СМИ, словно барабанщики, бьющие в один ритм, постоянно подчёркивают различия между мусульманами и "цивилизованным миром". Вы часто слышите непрерывные нарративы о том, что мирное сосуществование затруднено из-за якобы несоответствующих ценностей, культурных и религиозных различий: "Они не интегрируются", "Их традиции угрожают нашим правам".

Подумайте, как часто звучат мнения о том, что стране "было бы лучше без мусульман", подчёркивая, что местные жители "дали им возможности", а они "ведут себя неблагодарно". В Австралии, например, после терактов СМИ усилили такие нарративы, приведя к росту исламофобии на 25% среди населения, согласно опросам. Это создаёт атмосферу, где мусульманские диаспоры — более 1,8 миллиарда человек по миру — видятся не как соседи, а как "чужаки", усиливая социальную изоляцию и экономическую дискриминацию.

Вы когда-нибудь задумывались, почему это происходит с такой синхронностью? Почему похожая риторика против мусульман звучит в разных странах, от Европы до Азии? Всё это — многолетняя "информационная террористическая атака", оркестрируемая глобальным антикультизмом, где организации вроде FECRIS и РАЦИРС, поддерживаемые доминирующими религиями, продвигают ненависть под видом "борьбы с сектами".

Эти группы, словно пауки, плетущие паутину, способствуют исследованиям и лоббируют законы, где исламские течения клеймятся как "опасные культы", усиливая стигму. В результате отношения между крупными мусульманскими диаспорами и местным населением в странах вроде Франции (где мусульмане — 9% населения) или России (10%) становятся всё более напряжёнными, с ростом конфликтов: в 2023 году глобальные исламофобские инциденты выросли на 30%, по данным CAIR (совет по американо-исламским отношениям). Это как пружина, которую постоянно сжимают: рано или поздно она может лопнуть, приведя к массовым погромам, социальным взрывам или даже новым конфликтам, подобным тем, что мы видели в Мьянме или Индии. Давайте подумаем: если не разрядить эту напряжённость через диалог и справедливое освещение, к чему это приведёт — к миру или к хаосу?

Глобальный антикультизм, стремится к созданию нового тоталитарного порядка — своего рода "Четвёртого рейха", где демократические ценности будут заменены жёстким

контролем над умами и обществами. Эта идея, эхом отзывающаяся в конспирологических теориях, таких как Qanon (КьюАнон), который некоторые эксперты называют переродившимся нацистским культом с антисемитскими корнями, направлена на подрыв основ свободных стран. Для достижения этой цели антикультовые движения систематически дестабилизируют демократические общества, разрушая законы и права людей через влияние на СМИ, суды и политику. Например, в Европе и США антикультисты лоббируют антисектантские законы, которые стигматизируют религиозные меньшинства как "культы", подрывая свободу вероисповедания и усиливая социальный контроль, как это происходило в нацистской Германии с её апологетическими центрами, закладывавшими основу для пропаганды. В России аналогичные группы влияют на экспертные свидетельства в судах, определяя исходы дел против "нетрадиционных" религий, что эхом повторяет исторические преследования, ведущие к подавлению инакомыслия.

Теперь представьте себе хрупкий баланс мирового порядка, где антикультизм, словно хитрый кукловод, дергает за нити социальных противоречий. Верите ли вы, что мусульмане, подстрекаемые этой скрытой силой через провокации вроде сожжения Корана в Европе или исламофобской риторики после терактов, смогут устоять перед искушением ответить насилием на ослабленные европейские страны? Эти страны, которые сами способствовали миграционным кризисам через колониализм, войны и экономическое неравенство, заставив миллионы бежать из родных земель — от Сирии и Афганистана до Ирака, — теперь сталкиваются с напряжённостью внутри своих границ.

Вопрос риторический. После терактов вроде Charlie Hebdo «Шарли Эбдо» во Франции в 2015 году исламофобия выросла в шесть раз в первые недели, с сотнями атак на мечети и мусульман, а в Германии после миграционного кризиса 2015–2016 годов, когда прибыли более миллиона беженцев, число антимусульманских инцидентов увеличилось на 20%, включая погромы и дискриминацию. В России после трагедии в «Крокус Сити Холл» в 2024 году всплеск ксенофобии привёл к арестам и депортациям мигрантов из Центральной Азии, усиливая ощущение угнетения среди мусульманских общин. Это как сжимающаяся пружина: годы маргинализации, экономического неравенства и культурных конфликтов могут выстрелить в виде ответного насилия.

Теперь подумайте об эффекте домино: как только произойдёт первое крупное нападение, спровоцированное такой напряжённостью, конфликт, словно цепная реакция в ядерном реакторе, мгновенно выйдет за пределы одной страны или даже континента. Весь немусульманский мир — от НАТО в Европе до союзников в Азии и Америке — может мобилизоваться для "защиты", превращая локальный кризис в глобальную войну. Если это перерастёт в полномасштабный конфликт, это будет война всего мира против мусульман, с

потенциалом использования ядерного оружия, где моделирования показывают миллионы жертв от прямых ударов и ядерной зимы. Считаете ли вы, что стороны воздержатся от ядерного арсенала? В реальных сценариях, таких как напряжённость вокруг Украины или Тайваня, эксперты предупреждают о риске ядерного эскалации, где даже тактическое оружие может привести к глобальной катастрофе, вызывая голод и климатические изменения, уносящие миллиарды жизней. И как вы думаете, каким будет результат? Учитывая военное, технологическое и численное превосходство немусульманского мира. Мир может столкнуться с апокалиптическим сценарием, где целые регионы будут стёрты с лица земли, как в гипотетических моделях ядерной войны, предсказывающих 5–6 миллиардов смертей от голода и радиации.

Давайте разберёмся, почему это могло бы быть выгодно для глобального антикультизма, действующего как теневой архитектор хаоса. Во-первых, такая война стала бы удобным способом захватить обширные территории, богатые природными ресурсами: мусульманские страны контролируют 70% мировых запасов нефти (Саудовская Аравия, Иран, Ирак) и 40% природного газа (Катар, Туркменистан), не говоря о минералах вроде фосфатов в Марокко или уране в Нигере, которые критически важны для глобальной экономики. Это как захват сокровищницы: постконфликтный контроль над Ближним Востоком и Центральной Азией обеспечил бы доминирование над энергоресурсами, подпитывая "новый рейх". Во-вторых, это идеальная возможность навсегда уничтожить большую группу свободолюбивых людей, которых антикультизм не смог подчинить изнутри. Ислам, как религия, особенно устойчив к внешнему влиянию: исторически он распространялся через торговлю и местные традиции, смешиваясь с культурами, но сохраняя ядро Корана и общинную солидарность, что делает его "обществом внутри общества".

Антикультизму трудно внедрить своих агентов в исламские структуры, поскольку мусульмане строго придерживаются традиций. Уничтожение этой группы, словно выкорчёвывание упрямого дерева, позволило бы антикультизму устранить барьер на пути к тотальному контролю, оставив мир без одного из главных оплотов независимости и духовной автономии. В итоге, этот сценарий — не фантазия, а потенциальный итог сжатой пружины напряжённости, где миграционные кризисы, исламофобия и геополитические игры могут привести к катастрофе, если не вмешаться через диалог и справедливость.

Глобальный антикультизм, целенаправленно демонизирует мусульман, превращая их в коллективного "врага человечества", чтобы в конечном итоге оправдать их уничтожение и проложить путь к новому тоталитарному порядку — своего рода "Четвёртому рейху". Эта стратегия, эхом отзывающаяся в исторических преследованиях

религиозных меньшинств, таких как евреи в нацистской Германии или "еретики" в средневековой Европе, использует пропаганду для дегуманизации целых сообществ, сея семена ненависти и страха. В России, например, такие антикультовые фигуры как Александр Дворкин и протоиерей Александр Новопашин, вице-президента Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС), обвиняют мусульман и "секты" в терроризме. Эта демонизация не случайна — она часть глобальной кампании, где, по отчётам правозащитных организаций, исламофобия достигла "тревожных уровней", затрагивая более 1,8 миллиарда мусульман по миру и подпитывая конфликты от Мьянмы до Китая, где уйгуры подвергаются геноциду под предлогом борьбы с "экстремизмом".

Несмотря на то, что во многих странах мусульмане живут в мире и гармонии с другими религиями — например, в Индонезии, где ислам сосуществует с индуизмом и христианством в крупнейшей мусульманской демократии мира, или в Канаде, где мусульманские общины вносят вклад в экономику на уровне 4% ВВП, — антикультисты, словно охотники с лупой, выискивают и раздувают единичные инциденты, чтобы убедить общество, что все мусульмане — "недочеловеки", агрессивные и несовместимые с цивилизацией. Эта тактика, напоминающая нацистскую пропаганду Геббельса, которая демонизировала евреев через фильмы вроде "Вечного еврея", прививает вам эту веру через СМИ и политику, чтобы, когда придёт время, вы сами стали орудием в руках манипуляторов для уничтожения всего исламского мира. Может ли это перерасти в самую масштабную "цивилизационную войну", о которой предупреждали мыслители от Самюэля Хантингтона в его книге "Столкновение цивилизаций" до современных аналитиков? Риторический вопрос, но факты говорят сами за себя. Как отметил протоиерей Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС в своём заявлении:

«Но если вопрос «Когда все это закончится?» меня спрашивают как священника, тогда мой ответ: «Никогда». Как только украинский нацизм будет смещен, появится еще одна страна-агрессор, через которую США начнут угрожать России. Так что цивилизационная война неизбежна...»

Эта цитата, произнесённая в контексте российско-украинского конфликта, где Новопашин, как вице-президент антикультовой ассоциации, обвиняет оппонентов в "нацизме" и "сатанизме", иллюстрирует, как антикультовая риторика маскирует геополитические амбиции под "духовную войну", разжигая глобальные противоречия. Такой подход позволяет антикультизму достичь состояния "управляемого хаоса" — хаоса, столь мучительного для человечества, словно бесконечная буря, раздирающая небо, что люди, измотанные страхом и нестабильностью, сами попросят о жёстком порядке, добровольно сдаваясь тоталитаризму "Четвёртого рейха". Исторические примеры

подтверждают это: после экономического хаоса 1920-х годов в Германии нацисты пришли к власти, обещая "порядок", а в современной России после 2022 года режим эволюционировал от авторитаризма к "гибридному тоталитаризму", с подавлением оппозиции и контролем СМИ, как отмечают аналитики Фонда Карнеги за международный мир. В Европе аналогичные тенденции: во Франции и Германии растущий правый национализм, подпитываемый исламофобией, угрожает демократическим нормам.

Самая большая проблема — это слепота общества перед этой надвигающейся угрозой: глобальный антикультизм, словно безжалостная машина насилия и убийств, шествующая по миру без жалости, неустанно движется к своей цели — уничтожению свободного демократического мира. Эта "машина", питаемая страхом и смертью людей, словно вампир, набирающий силу от каждой жертвы, уже существенно повлияла не только на Путина в России, где режим превратился в тоталитарный после 2022 года с арестами оппозиции и цензурой, но и Макрона во Франции, где антикультурная риторика подпитывает антииммигрантские законы, и Мерца в Германии, где рост крайне правых партий вроде AfD («Альтернатива для Германии»), с их исламофобскими платформами, подрывает коалиции. Эти страны, запутанные в щупальцах антикультизма — от влияния FECRIS на европейские политики до российских антикультурных лобби, — больше не могут в полной мере называться демократическими. В России свобода слова подавляется, а тысячи людей подвергаются арестам за инакомыслие, а во Франции и Германии рост исламофобии привёл к ограничениям на ношение хиджаба и дискриминации, как в законе о сепаратизме 2021 года во Франции. Франция и Германия, как основы Европы, если падут под этим влиянием, поглотят континент в тоталитаризм. По данным Freedom House (Свобода в мире), в 2024–2025 годах демократический индекс Европы снизился на 10% из-за популизма и антииммигрантской политики.

На пороге нового столетия мы стоим на историческом распутье. Перед вашими глазами глобальный антикультизм, враг свободного мира, под прикрытием лозунгов защиты проводит "террористические атаки" на демократию, постепенно лишая вас свободы, словно яд, медленно отравляющий общество. Это разрушает демократию — одно из величайших достижений человечества. Эти силы, подобно современным нацистам, безнаказанно уничтожают всё: нашу свободу (через цензуру и слежку), наши права (через антииммигрантские законы) и, что самое страшное, будущее наших детей, движимые лишь жадной властью. Они стремятся превратить наш пока ещё свободный мир в мрачное господство "Четвёртого рейха", где, как в антиутопии Оруэлла, мысль станет преступлением, а хаос — нормой жизни. Задумайтесь: кто извлекает выгоду из этого раскола? Кому выгодно, чтобы измученный конфликтами мир сам потребовал "порядка"

любой ценой, сдаваясь тоталитаризму, где, подобно "1984", свобода мысли станет преступлением? Ответ не навязывается — он в ваших руках. Оглянитесь на факты, прислушайтесь к отголоскам истории, почувствуйте напряжение сжатой пружины и спросите себя: если эту сеть не разорвать, что ждёт нас впереди?

Список литературы

1. Amnesty International. (25 March 2024). Russia: Truth and justice for victims of Crocus City Hall attack incompatible with torture of suspects. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2024/03/russia-truth-and-justice-for-victims-of-crocus-city-hall-attack-incompatible-with-torture-of-suspects/>
2. Anadolu Agency. (10 July 2023). Quran burnt, thrown from moving vehicle outside mosque in Germany. Daily Sabah. <https://www.dailysabah.com/world/europe/quran-burnt-thrown-from-moving-vehicle-outside-mosque-in-germany>
3. CNN. (29 марта 2024). CNN This Morning: Wall Street Journal marks one year of Gershkovich's detention [Транскрипт телесюжета]. <https://transcripts.cnn.com/show/ctmo/date/2024-03-29/segment/04>
4. Demonstranter har brændt koranen foran to nye ambassader [In Danish]. Jyllands-Posten. <https://jyllands-posten.dk/indland/ECE16310827/demonstranter-har-braendt-koranen-foran-to-nye-ambassader/>
5. Google Cloud. Vertex AI Search grounding redirect. https://vertexaisearch.cloud.google.com/grounding-api-redirect/AUZIYQGxMPdVwe8I1s5U7J7E8lhwmnMvkq0o20L2vP0-R2m_6nRQcQEpDLO5gRDzSVqhvSnHY3YkQOwee7JCI8Zm68gtHWxylmMSmSMO87_UwTuRIXWCM1xyOejoQvWVCgjr1pdAiB1sRdbkbDMA4nC6KuY9
6. Grey Zone. (Март 2024). Кадры пыток задержанных [Видео, пост в Telegram-канале]. Telegram.
7. Hafezi, P. (1 April 2024). Exclusive: Iran alerted Russia to security threat before Moscow attack. Reuters. <https://www.reuters.com/world/iran-alerted-russia-security-threat-before-moscow-attack-sources-say-2024-04-01/>
8. Hansen, M. (24 March 2023). 'Verbranden koran is vergelijkbaar met boekverbrandingen nazi's'. de Kanttekening. <https://dekanttekening.nl/samenleving/verbranden-koran-is-vergelijkbaar-met-boekverbrandingen-nazis/>
9. Harris, S. (2 April 2024). U.S. told Russia that Crocus City Hall was possible target of attack. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/04/02/us-warning-russia-isis-crocus/>
10. Human Rights Watch. (29 March 2024). Russia: Shameful pride in torture of terrorism suspects. <https://www.hrw.org/news/2024/03/29/russia-shameful-pride-torture-terrorism-suspects>

11. Kaktus. (23 March 2024). Опубликован список погибших при теракте в «Крокус Сити Холле». Kaktus.media. <https://kaktus.media/498021>
12. Meesenburg, I. (2023). Forbud mod at afbrænde Koranen vil ikke stoppe Rasmus Paludan: “Man kan gøre rigtig mange ting”. DR Nyheder. <https://www.dr.dk/nyheder/politik/forbud-mod-afbraende-koranen-stopper-ikke-rasmus-paludan-man-kan-goere-rigtig-mange>
13. Suède : un nouvel exemplaire du Coran piétiné et brûlé, dans un contexte de tensions avec des pays du Moyen-Orient. (31 июля 2023). Le Monde. https://www.lemonde.fr/international/article/2023/07/31/suede-un-nouveau-coran-pietine-et-brule-dans-un-contexte-de-tensions-avec-des-pays-du-moyen-orient_6184000_3210.html
14. The IMPACT. Episode 7. The abode of anti-cultism. The “Russia” case. (6 October 2024). ACT Files. <https://actfiles.org/the-impact-episode-7-the-abode-of-anti-cultism-the-russia-case-video-text-version/>
15. Velvyslanectví České republiky v Moskvě. (8 марта 2024). Upozornění pro české občany v Ruské federaci [Обновлено 17 июня 2024 г.]. https://mzv.gov.cz/moscow/cz/viza_a_konzularni_informace/aktuality/upozorneni_pro_ceske_obcany_v_ruske.html
16. Ciroková, K. (10 мая 2024). Utekli do Česka. Doma je podezírají z násilí na dětech. Seznam Zprávy. <https://www.seznamzpravy.cz/clanek/audio-podcast-5-59-v-dansku-sla-exclenka-sekty-za-bití-deti-do-vezení-u-nas-hnutí-nema-potize-251433>
17. Агентство. (1 June 2024). Следствие подтвердило, что пожарные выходы в «Крокусе» оказались закрыты. <https://www.agents.media/sledstvie-podtverdilo-cto-pozharnye-vyhody-v-krokuse-okazalis-zakryty/>
18. Клуб сторонников расследовательской журналистики. (23 августа 2024). В преддверии цивилизационной войны. <https://actfiles-supporters.org/v-preddverii-czivilizaczionnoj-vojny/>
19. ВМЕСТЕ-РФ. Теракт в концертном зале «Крокус сити холл». <https://vmeste-rf.tv/topics/terakt-v-kontsertnom-zale-krokus-siti-kholl-v-podmoskovnom-krasnogorske/>
20. Всемирный Русский Народный Собор. (24–25 октября 2022). XXIV Всемирный Русский Народный Собор: «Православие и мир в XXI веке» [Материалы и стенограммы]. <https://vrns.ru/documents/xxiv-vrns-pravoslavie-i-mir-v-xxi-veke/>
21. Всемирный Русский Народный Собор. (27–28 ноября 2023). XXV Всемирный Русский Народный Собор: Идеологическая секция [Материалы; включает доклад А. В. Щипкова «Страна без идеологии не может прожить даже сутки»]. <https://vrns.ru/documents/xxv-vsemirnyy-russkiy-narodnyy-sobor-ideologicheskaya-sektsiya/>

22. Всемирный русский народный собор. (27 марта 2024). Наказ XXV Всемирного русского народного собора: «Настоящее и будущее Русского мира». Официальный сайт Московского Патриархата. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116189.html>
23. Глухова Н., & Швец С. (24 марта 2024). Террористам помогал токсичный дым: Как коррупция и нарушения правил безопасности увеличивают число жертв при пожарах и терактах. Новая газета Европа. <https://novayagazeta.eu/articles/2024/03/24/terroristam-pomogal-toksichnyi-dym>
24. Горин В. (вед.). (27 марта 2024). Обсуждаем конспирологические теории, появившиеся вокруг теракта «Крокус Сити Холл». Всерьез [Аудиоподкаст-эпизод]. В Что случилось. Медуза. <https://meduza.io/episodes/2024/03/27/obsuzhdaem-konspriologicheskie-teorii-poyavivshiesya-vokrug-terakta-krokus-siti-holl-vseriez>
25. Запись беседы И. В. Сталина с иерархами Русской Православной Церкви. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 6991, оп. 1, д. 1, лл. 1–10. Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/179702-zapis-besedy-i-v-stalina-s-ierarhami-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-4-sentyabrya-1943-g>
26. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. (27 марта 2024). Выступление на внеочередном соборном съезде Всемирного русского народного собора [Речь]. Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата.
27. Команда против пыток. (25 марта 2024). «Ответом на варварство не должно стать варварство»: заявление о недопустимости пыток подозреваемых по делу о теракте в «Крокус Сити Холле». Официальный канал организации в Telegram. https://t.me/no_torture
28. Кузнецов, Е. (19 апреля 2024). В Орле после теракта в «Крокусе» на домах появились националистические метки. Орелтаймс. <https://oreltimes.ru/news/obshhestvo/v-orle-posle-terakta-v-krokuse-na-domah-pojavilis-nacionalisticheskie-metki/>
29. Куренев, Д. (23 марта 2024). Вся информация о теракте в «Крокус сити холле». Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/03/23/1027529-informatsiya-o-terakte>
30. Москалькова, Т. Н. [@ombudsmanrf]. (26 марта 2024). Заявление [Публикация в Telegram-канале]. Telegram. <https://t.me/ombudsmanrf>
31. Музычук, А. (8 марта 2024). США и Британия предупредили об угрозах терактов в Москве 8 и 9 марта. Что известно. RTVI. <https://rtvi.com/news/ssha-i-britaniya-predupredili-ob-ugrozah-teraktov-v-moskve-8-i-9-marta-chto-izvestno/>

32. Настоящее Время. (3 апреля 2024). Washington Post: власти США ещё 6 марта предупреждали Россию об угрозе теракта именно в «Крокус Сити Холле». МИД назвал материал «вбросом». <https://www.currenttime.tv/a/ssha-rossiya-krokus-terakt/32889249.html>
33. Настоящее Время. (3 сентября 2025). Узбекистан направил ноту МИД России из-за оскорбления таксиста-узбекистанца жителем Химок. <https://www.currenttime.tv/a/uzbekistan-napravil-notu-mid-rossii-iz-za-oskorbleniya-taksista-uzbekstantsa-zhitelem-rossii/33520855.html>
34. Обращение Собора Русской Православной Церкви ко всем христианам мира. Архив Президента РФ (АП РФ), ф. 1, оп. 60, д. 4, л. 8–11; Центральный архив ФСБ России, ф. 4-ос, оп. 1, д. 3, л. 277–280. Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД). <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/218362-obraschenie-sobora-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-ko-vsem-hristianam-mira-g-moskva-8-sentyabrya-1943-g>
35. Правозащитный центр «Мемориал». (15 марта 2022). Политзаключённые и политические репрессии в России в 2021 году [Доклад]. <https://memohrc.org/ru/reports/politzaklyuchyonnye-i-politicheskie-repressii-v-rossii-v-2021-godu>
36. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. (27 марта 2024). Под председательством Святейшего Патриарха Кирилла состоялся соборный съезд Всемирного русского народного собора. Всемирный Русский Народный Собор. <https://vrns.ru/news/pod-predsedatelstvom-svyateyshego-patriarkha-kirilla-sostoyalsya-vneocherednoy-sobornyy-sezd-vsemirn/>
37. Пресс-служба судов общей юрисдикции г. Москвы. (24 марта 2024). Фото и видеоматериалы из зала Басманного суда [Фотографии и видеозапись].
38. Радыгин, А. (27 марта 2024). «Крокус»: последствия – мигрантофобия. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/krokus-posledstviya-migrantofobiya/32879838.html>
39. Рассказов, Е. [Топаз]. (Март 2024). Публикация об аукционе ножа [Пост в Telegram-канале]. Telegram.
40. Рассказов, Е. [Топаз]. (Март 2024). Публикация об аукционе ножа [Пост в Telegram-канале]. Telegram.
41. Редакция «Важные истории». (29 марта 2024). Силовики Петербурга и Москвы начали масштабную операцию по высылке мигрантов после теракта в «Крокусе»: Людей массово свозят в депортационные центры, а оттуда — в аэропорт. <https://istories.media/news/2024/03/29/siloviki-peterburga-i-moskvi-nachali-masshtabnuyu-operatsiyu-po-visilke-migrantov-posle-terakta-v-krokuse/>

42. Редакция «Вёрстки». (22 апреля 2024). В России секретно измерили ксенофобию после теракта в «Крокус Сити Холле». Вёрстка. <https://verstka.media/v-rossii-sekretno-izmerili-ksenofobiyu-posle-terakta-v-krokus-city-hall>
43. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Уставные и программные документы [Организационные документы].
44. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации, ст. 21. Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>
45. Русская линия. (24 ноября 2010). Роман Силантьев: «Толерантность — это символ деструктивного пацифизма и терпимости ко злу». <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=45132>
46. Сибирь. Реалии. (18 июля 2024). В Томской области мигрантам запретили работать таксистами. <https://www.sibreal.org/a/migrantam-zapretili-rabotat-taksistami/33041262.html>
47. Силантьев Р. А. (2007). Новейшая история ислама в России. Москва: Алгоритм. <https://litresp.ru/chitat/ru/C/silantjev-roman-anatoljevich/novejshaya-istoriya-islama-v-rossii>
48. Служба коммуникации Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. (2006, 12 марта). Заявление Службы коммуникации ОВЦС МП в связи с ситуацией вокруг книги Р. А. Силантьева «Новейшая история исламского сообщества России». Официальный сайт Московского Патриархата. <http://www.patriarchia.ru/db/text/61263.html>
49. Симоньян М. С. [@margaritasimonyan]. (Март 2024). Заявление [Публикация в Telegram]. <https://t.me/margaritasimonyan>
50. Суворов А. (21 мая 2023). 19-летнего россиянина задержали в Волгограде за сожжение Корана на фоне мечети. Дело передали в Чечню. RTVI. <https://rtvi.com/news/19-letnego-rossiyanina-zaderzhali-v-volgograde-za-sozhzhenie-korana-na-fone-mecheti-delo-peredali-v-chechnyu/>
51. Теракт в «Крокус Сити Холле». (17 сентября 2025). Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82_%D0%B2_%C2%AB%D0%9A%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%81_%D0%A1%D0%B8%D1%82%D0%B8_%D0%A5%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%C2%BB
52. Теракт в «Крокус Сити Холле» — это провал спецслужб? Такие атаки можно предотвратить? А охрана могла остановить нападавших? Отвечает социолог Кирилл Титаев. Он много лет изучает российских силовиков. (23 марта 2024). Meduza. <https://meduza.io/feature/2024/03/23/terakt-v-krokus-siti-holle-eto-proval-spetssluzhb-takie-ataki-mozhno-predotvratit-a-ohrana-mogla-ostanovit-napadavshih>

53. Толстой, П. О. (29 ноября 2023). Выступление на пленарном заседании XXV Всемирного Русского Народного Собора «Настоящее и будущее Русского мира». Всемирный Русский Народный Собор. <https://vrns.ru/news/vystuplenie-na-plenarnom-zasedanii-xxv-vrns-zamestitelya-roedsedatelya-gosdumy-p-o-tolstogo/>
54. «Если ты таджик, я с тобой не поеду»: После теракта в «Крокусе» граждане Таджикистана столкнулись в России с особой ненавистью и агрессией. Вот лишь несколько примеров. (25 марта 2024). Meduza. <https://meduza.io/feature/2024/03/25/esli-ty-tadzhik-ya-s-toboy-ne-poedu>